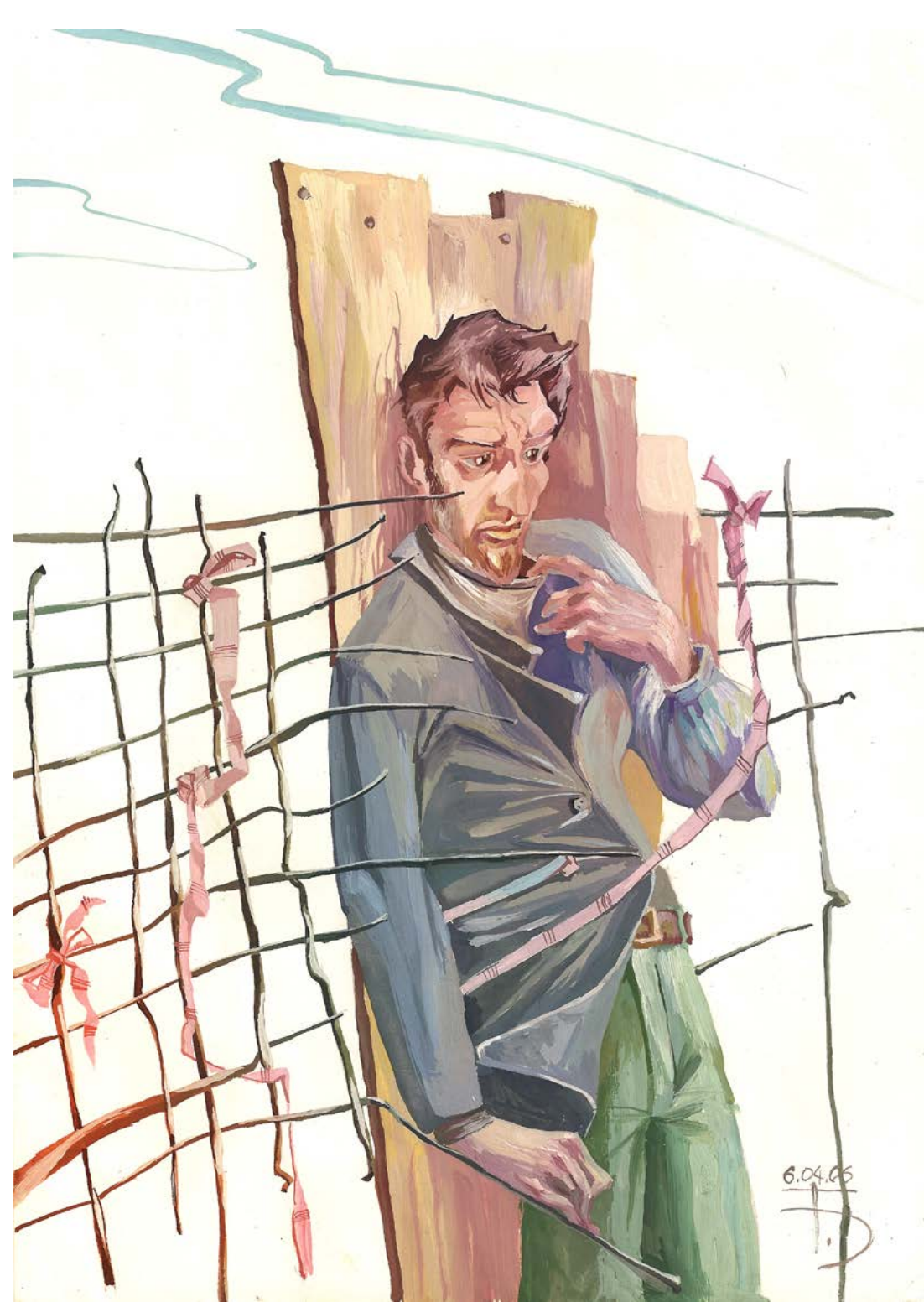

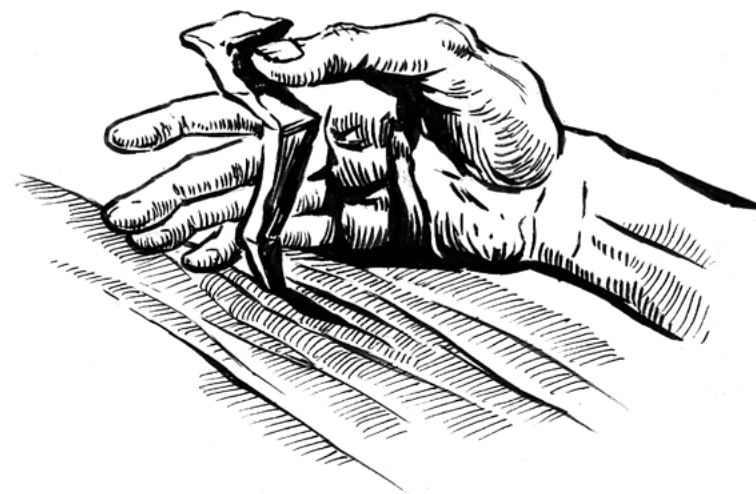

Богъѡтѡблѡ ЗМЕѡ

Майкл Муркок

СЕ - ЧЕЛОВЕК

ВОЗДУШНИ ЗМЕИ

Это история Карла Глогера, человека, страдающего множеством комплексов, чья личная жизнь не удалась (это мягко говоря). Его эротические фантазии сталкиваются с суровой действительностью, что еще более усиливает его комплексы. Фантазии Глогера во многом связаны с символикой христианства, и он решает отправиться на машине времени в год казни Христа, чтобы встретиться со Спасителем. И Глогер начинает его поиски.

Роман переработан из одноименной повести 1966 г., которая была номинирована на литературную премию «Небьюла».

Behold the Man© Michael Moorcock, 1969

Пер. с англ. – Тишинин А. М.: Полиграфия, 1994 г.

Ред., Илл. – tsir: Воздушный змей, Одесса, 2018 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Машина времени имела вид сферы, наполненной молочно-белой жидкостью, в которой путешественник плавает в резиновом костюме, дыша через маску со шлангом, уходящим в недра механизма. На финише сфера треснула, и жидкость пролилась, быстро впитываемая пылью.

Сфера покатилась, подсакивая на камнях, выступающих из бесплодной почвы.

Боже!
О, Господи!
Боже! О, Господи!
Боже!
О, Господи!
Боже! О, Боже!
О, Господи!
О, Господи!

Боже мой! Что происходит?

Неужели это конец?!

Чертюва машина не работает.

О, Боже! О, Господи! Когда же прекратится эта тряска?!

Когда уровень жидкости ощутимо понизился, Карл Глогер свернулся клубком; вот он уже на мягком пластике внутренней обшивки машины.

Приборы не работают. Сфера останавливается, затем продолжает движение, расплескивая последние капли жидкости.

Почему я пошел на это?
 Почему я пошел на это?
 Почему я пошел на это?
 Почему я пошел на это?
 Почему я пошел на это?

Глаза Глогера открылись и снова закрылись, рот исказился от недостатка кислорода, язык трепещет в пересохшей гортани, и он издает стон, который переходит в завывание.

Он слышит этот звук и рассеянно думает: «Речь потерявшего сознание... который не слышит, что говорит.»

Зашипел воздух, и пластиковая обшивка опала, а Глогер оказался спиной на металле стенки. Он перестал кричать и смотрит на неровную трещину в стене. Ему совершенно не любопытно, что находится за ней. Он пытается шевельнуть телом, но оно полностью оцепенело. Он дрожит, чувствуя холодный воздух, который проходит сквозь поврежденную стенку машины времени. Снаружи, кажется, ночь.

Его путешествие сквозь время было трудным. Даже густая жидкость не полностью защитила его, хотя, без сомнения, спасла его жизнь. Несколько ребер, вероятно, сломаны.

С этой мыслью приходит боль, и он обнаруживает, что уже может распрямить руки и ноги.

Глогер пополз по скользкой поверхности к трещине. Он тяжело дышит, делает передышку, затем двигается дальше.

Он теряет сознание, а когда приходит в себя, воздух становится теплее. Сквозь трещину он видит режущий глаза солнечный свет и небо цвета полированной стали. Он наполовину протаскивает свое тело сквозь трещину, закрыв глаза, когда лучи солнца ударяют по сетчатке, и снова теряет сознание.

ЗИМНИЙ СЕМЕСТР, 1949 г.

Ему исполнилось девять лет, он родился через два года после того, как его отец добрался до Англии, бежав из Австрии.

На серой гальке школьной площадки играли дети. По краям площадки еще лежали маленькие кучки грязного льда. За забором отстроенные здания Южного Лондона казались черными на фоне холодного зимнего неба.

Игра проходила достаточно серьезно, и Карл Глогер с некоторым волнением предложил роль, которую он был согласен сыграть. Сперва он наслаждался вниманием, но теперь заплакал.

- Отвяжите меня! Пожалуйста, Мервин, прекрати!

Они привязали его за руки к проволочной сетке забора. Забор выгнулся наружу под его весом и один из столбов грозил упасть. Карл пытался освободить ноги.

- Отвяжите меня!

Дети снова засмеялись, и Карл понял, что его крики только раззадоривают их, поэтому он крепко сжал зубы. По лицу катились слезы, и он был полон смятения и чувства, что его предали. Он считал их своими друзьями, некоторым помогал в учебе, другим покупал сладости, сочувствовал третьим, когда им не везло. Почему они отвернулись от него - даже Молли, который доверял ему свои секреты?

- Пожалуйста! - закричал он. - Этого не было в игре!

- А теперь есть! - засмеялся Мервин Уильямс. Его глаза сияли, лицо покраснелось, и он еще сильнее стал качать столб.

Еще несколько секунд Карл терпел тряску, а затем инстинктивно уронил голову на грудь, притворившись потерявшим сознание. Он уже делал так не раз, чтобы шантажировать мать, от которой и научился этому трюку. Школьные галстуки, использованные в игре в качестве веревок, врезались в его кисти. Голоса детей стихли.

- С ним все в порядке? - прошептал Молли Тюрнер. - Он не умер?..

- Не говори глупостей, - неуверенно ответил Уильямс. - Он только шутит.

- Тем не менее, лучше его отвязать. - Это был голос Яна Томпсона. Мы влипнем в ужасную неприятность, если...

Карл почувствовал, что его отвязывают; они возились с узлами.

- Я не могу развязать этот...

- Вот мой ножик - разрежь узел...

- Я не могу... это мой галстук... мой отец...

- Быстрее, Бриан!

Вися на одном галстуке, он намеренно позволил телу осесть вниз, все еще держа глаза плотно закрытыми.

- Дай его мне, я разрежу узел!

Наконец, последний галстук был развязан. Карл упал на колени, поцарапав их о гальку, и опустился лицом на землю.

- Блейми, он действительно...

- Не будь дураком, он еще дышит. Он всего лишь в обмороке.

Карл слышал их встревоженные голоса будто издалека, так как сам наполовину был убежден собственным притворством.

Уильямс потряс его.

- Очнись, Карл, хватит валяться.

- Я сбегая за мистером Мэтсоном, - сказал Молли Тюрнер.

- Нет, не надо.

- Все равно это вшивая игра!

- Вернись, Молли!

Его внимание сейчас большей частью было отвлечено кусочками гальки, впившимися в левую щеку. Было легко держать глаза закрытыми и не замечать их руки на своем теле. Постепенно он потерял ощущение времени, а потом услышал голос мистера Мэтсона - низкий, насмешливый, не пытающийся, как обычно, перекричать общий шум. Настала тишина.

- Что же ты натворил в этот раз, Уильямс?

- Ничего, сэр. Это была игра. Идея Карла.

Сильные мускулистые руки перевернули его лицом вверх. Он все еще держал глаза закрытыми.

- Мы играли, сэр... - сказал Ян Томпсон, - ...в Иисуса. Карл был Иисусом. Мы играли так и раньше, сэр. Мы привязали его к

забору. Это была его идея, сэр.

- Немного недозрелая, - пробормотал мистер Мэтсон и вздохнул, пощупав лоб Карла.

- Это была только игра, сэр, - снова сказал Мервин Уильямс.

Мистер Мэтсон проверял пульс Карла.

- Ты должен был подумать, Уильямс. Глогер не особо силен.

- Простите, сэр.

- Совершеннейшая глупость.

- Простите, сэр, - Уильямс чуть не плакал.

- Я возьму его с собой. Надеюсь, Уильямс, что с ним ничего серьезного. А после уроков зайти ко мне.

Карл почувствовал, что мистер Мэтсон поднимает его.

Он был доволен.

Его несли.

Голова и бок болели так, что тошнило. У него не было возможности узнать, куда в точности доставила его машина времени, но, повернув голову и открыв глаза, он понял по грязной куртке из овчины и холщовой набедренной повязке человека справа, что, почти наверняка, находится на Ближнем Востоке. Он намеревался попасть в 29 г. н. э., в район Иерусалима, около Вифлеама. Интересно, не в Иерусалим ли несут его?

Вероятно, он находится в прошлом, так как носилки, на которых его несли, были сделаны из шкур животных, не слишком хорошо выделанных. Но, возможно, и нет, подумал он, так как провел достаточно времени среди маленьких племен Ближнего Востока, чтобы знать - сохранились еще люди, почти не изменившие свой образ жизни со времен Магомета. Он надеялся, что не зря ломал ребра.

Двое мужчин несли носилки на плечах, остальные шагали рядом. Все они были бородатыми, темнокожими, обуты в сандалии. Большинство имело посохи. Пахло потом, животным жиром и чем-то прокисшим, чего он не мог определить. Они направлялись к цепи холмов и не заметили, что он очнулся.

Солнце уже не пекло так сильно, как когда он выбрался из машины времени. Вероятно, вечерело. Окружающая земля была каменистой и бесплодной, и даже холмы впереди казались серыми.

Он поморщился, когда носилки накренились, так как боль в боку снова стала тошнотворно сильной. Сознание опять покинуло его.

Наш Отец, пребывающий на небесах...

Он был воспитан, как и большинство его школьных товарищей, по канонам пустословной христианской религии. Утренние молитвы в школе. На ночь он ограничивался двумя молитвами. Одна была молитвой Господу, другая заключалась в словах: «Боже, благослови маму, Боже, благослови папу, Боже, благослови моих сестер, и братьев, и всех других людей вокруг меня и, Боже, благослови меня. Аминь!». Этому его научила женщина, приглядывавшая за ним, когда мать была на работе. Он добавил к этому перечню «благодарю тебя» (Благодарю тебя за приятный день, благодарю тебя за хорошую отметку по истории...) и «прости» (Прости, я был груб с Молли, прости, я не во всем признался мистеру Мэтсону...). Только в семнадцать лет он научился ложиться спать, не произнося ритуальных молитв, и даже тогда это произошло из-за нетерпения начать мастурбировать.

Наш Отец, пребывающий на небесах...

Последнее воспоминание об его отце касалось поездки в выходной день на берег моря, когда ему было четыре или пять лет. Шла война, поезда были переполнены солдатами, было много остановок и пересадок. Он помнил переход через железную дорогу к другой платформе, когда задавал отцу какие-то вопросы о содержимом платформ, стоявших на путях.

Что было в ответ? Шутка? Что-то насчет жирафов? Он помнил отца высоким плотным мужчиной. Голос его был добрым, возможно, чуть грустным, а в глазах - постоянное меланхоличное

выражение.

Потом он узнал, что мать и отец в то время расходились, и мать позволила отцу провести с ним этот последний выходной день. Было ли это в Девоншире, или в Корнуолле? Все, что он помнил, - утесы, скалы и пляжи соответствовало видам западного побережья, которое он потом не раз видел по телевизору.

Он играл в саду, полном кошек, в развалившемся «форде», сквозь который пророс бурьян. Ферма, где они остановились, казалось, была набита кошками; они словно ковром покрывали кресла, столы и комоды.

Пляжи перегораживала колючая проволока, но он не понимал, что это портит пейзаж. Там были мосты и статуи из песчаника, изваянные ветром и морем. Там были загадочные пещеры, в которых журчали родники.

Это было почти самым ранним и, определенно, самым счастливым воспоминанием его детства.

Он больше никогда не видел своего отца.

Боже, благослови маму, Боже, благослови папу...

Это глупо. У него не было отца, не было никаких братьев и сестер.

Пожилая женщина, воспитывавшая его, объясняла, что его отец находится где-то в другом месте, и что все люди являются братьями и сестрами.

Он принял это.

Один, думал он, я один. И он проснулся, несколько мгновений думая, что находится в убежище Андерсонов из листов ржавой стали с решетками на окнах, и что снаружи продолжается воздушный налет. Он любил безопасность Андерсонов, для него было удовольствием попасть туда.

Но разговор шел на незнакомом языке. Вероятно, была ночь, так как было очень темно. Они больше не двигались. Его лихорадило; он лежал на соломе. Глогер коснулся соломы и, не зная почему, почувствовал облегчение. Он заснул.

Крик. Напряжение.

Это его мать кричала на мистера Джорджа со второго этажа.

Мистер Джордж с женой снимал две комнаты с видом во двор.

Он крикнул матери:

- Мама! Мама!

Ее истеричный голос:

- Что?

- Я хочу видеть тебя!

Он хотел, чтобы она прекратила орать.

- Что, Карл? Ну вот, вы разбудили ребенка!

Она появилась на верхней площадке, опираясь на перила; халат плотно обтягивал ее фигуру.

- Мама. В чем дело?

Она замерла на мгновение, будто решая что-то в уме, затем медленно сползла вниз по лестнице.

Теперь она лежала на темном изношенном ковре у первой ступени лестницы. Он всхлипнул и потянул ее за плечи, но она была слишком тяжелой.

- Ой, мамочка!

Мистер Джордж, вяло переставляя ноги, спустился по лестнице. На его лице была написана покорность судьбе.

- О, дьявол, - сказал он. - Грета!

Карл пристально смотрел на него.

Мистер Джордж взглянул на Карла и покачал головой.

- С ней все в порядке, сынок. Ну, Грета, очнись!

Карл стоял между мистером Джорджем и матерью. Мистер Джордж пожал плечами и отстранил его, затем нагнулся и поставил мать Карла на ноги. Ее длинные темные волосы закрывали красивое утомленное лицо. Она открыла глаза, и даже Карл был удивлен, что она очнулась так быстро.

- Где я? - сказала она.

- Перестань, Грета. С тобой все в порядке.

Мистер Джордж повел ее вверх по лестнице.

- Что с Карлом? - спросила она.

- Не беспокойся о нем.

Они скрылись.

В доме стало тихо. Карл пошел на кухню. Там стояла гладильная доска с утюгом на ней. Что-то готовилось на плите. Пахло не очень вкусно. Вероятно, это готовила миссис Джордж.

Он услышал, как кто-то спускается по лестнице, и выбежал из кухни в сад.

Он плакал. Ему было семь лет.

Глава 2

В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской.

И говорит: покайтесь, ибо приблизилось царство Небесное. Ибо Он тот, о котором сказал пророк Исайя: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.

Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищей его были акриды и дикий мед.

Тогда Иерусалим и вся Иудея, и вся окрестность Иорданская выходили к нему. И крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои.

Новый Завет, От Матфея, гл. 3: 1-6.

Они обмывали его.

Он чувствовал холодную воду, бегущую по его телу, и судорожно глотнул воздух. Они сняли защитный костюм и привязали к его груди кожаными ремешками сложенную в несколько слоев овчину.

Боль стихла, но Глогер чувствовал себя очень слабым и больным. Неразбериха недель, предшествовавших его путешествию на машине времени, само путешествие, а теперь лихорадка мешали ему понять, что происходит. До сих пор все напоминало сон. Он еще не мог по-настоящему поверить в существование машины времени. Может быть, он просто находится под воздействием какого-нибудь наркотика? Ощущение им реальности никогда не

было особенно сильным. Большую часть детства и взрослой жизни только определенные инстинкты помогали ему сохранить физическое благополучие. И все же вода, льющаяся на него, прикосновение овчины к груди, солома под ним - все обладало большей реальностью, чем то, что он знал с детства.

Он находился в здании - или, может, в пещере, - было слишком темно, чтобы сказать точнее, - и солома под ним пропиталась водой.

Двое мужчин в сандалиях и набедренных повязках поливали из глиняных кувшинов. На плечах одного из них был кусок холстины, откинутый назад, за плечи. Оба обладали смуглыми чертами семитов, большими темными глазами и пышными бородами. На их лицах не было никакого выражения, даже когда они замерли, заметив, что он открыл глаза. Некоторое время они пристально глядели на него, прижав кувшины к волосатым торсам.

Глогер хорошо знал древний письменный арамейский язык, но не был уверен в своей способности говорить на нем так, чтобы его поняли. Сначала надо испробовать английский, иначе будет смешно, если он остался в своем времени и пытается заговорить на архаичном языке с современными израильтянами или арабами.

Слабым голосом он спросил:

- Вы говорите по-английски?

Один из мужчин нахмурился, а другой, в холщовой накидке, заулыбался, сказав несколько слов своему товарищу, затем рассмеялся.

Глогеру показалось, что он узнал несколько слов, и он обрадовался. Они говорили на древнеарамейском. Он был уверен в этом. Интересно, сможет ли он составить фразу, которую они поймут?

Он кашлянул и облизнул губы.

- Где... это... место? - спросил он хрипло.

Теперь оба они нахмурились, покачали головами и опустили кувшины на пол. Чувствуя, как силы покидают его, Глогер торопливо сказал:

- Я... ищу... Иисуса... из Назарета...

- Иисус... Назарет. - Более высокий повторил слова, но они, казалось, ничего не значили для него. Он пожал плечами. Другой, тем не менее, повторил только слово «Назарет», произнеся его медленно, будто оно имело особый смысл. Затем он сказал несколько слов второму мужчине и исчез из поля зрения Глогера.

Глогер попытался сесть и жестом привлечь внимание оставшегося мужчины, недоуменно смотревшего на него.

- Который... год?... - медленно произнес Глогер. - Римский император... сидит... в Риме?

Этот вопрос сбивал с толку, и он понял это. Христа распяли на пятнадцатый год правления Тиберия, поэтому Глогер и спросил. Собравшись с силами, он попытался составить фразу подробнее и понятнее.

- Сколько лет правит... Тиберий?

- Тиберий? - мужчина нахмурился.

Слух Глогера уже приспособился к акценту, и он попытался подражать ему.

- Тиберий. Император римлян. Сколько лет он правит?

- Сколько? - мужчина покачал головой. - Я не знаю.

По крайней мере, подумал Глогер, меня поняли. Шесть месяцев изучения арамейского языка в Британском Музее не пропали даром. Язык, на котором говорили здесь, отличался от того, какой изучал Глогер две тысячи лет спустя, и больше походил на древнееврейский. Но они могли понимать друг друга удивительно легко. Глогер вспомнил, каким страшным ему показалось то, что у него не возникло особых трудностей в изучении этого языка. Один из его эксцентричных друзей предположил, что Глогера выручает расовая память. Иной раз сам он был почти убежден в этом.

- Где находится это место? - спросил он.

Мужчина удивился.

- Это пустыня, - сказал он. - Пустыня за Мачарусом. Разве ты не знаешь?

В библейские времена Мачарус был большим городом, лежащим к юго-востоку от Иерусалима, на другой стороне Мерт-

вого моря. Он располагался на склоне горы, защищаемый величественной крепостью-дворцом, резиденцией Ирода Антипаса. Глогер почувствовал, что настроение у него поднимается. В двадцатом столетии немногие знают название Мачарус, не говоря уж об использовании его в качестве точки отсчета.

Теперь почти нет сомнений, что он находится в прошлом, и что временной период соответствует правлению Тиберия, если только человек, с которым он разговаривал, не совершенно невежественен и не имеет понятия, кто такой Тиберий.

Но состоялась ли казнь? Может, он пропустил ее?

Если так, то что ему делать? Машина времени разрушена, ее, скорее всего, не удастся отремонтировать.

Он снова опустился на солому и закрыл глаза; опять нахлынуло знакомое чувство подавленности.

Когда он пытался совершить самоубийство в первый раз, ему было пятнадцать лет. Он привязал проволоку к крюку в стене школьной кладовой, сунул голову в петлю и прыгнул со скамейки.

Крюк вырвался из стены, за ним последовал град штукатурки. Шея болела весь остаток дня.

Вернулся второй мужчина и привел с собой кого-то еще.

Звук сандалий показался Глогеру очень громким.

Он посмотрел на пришедшего.

Это был великан, и в сумраке он двигался мягко, как кошка. Глаза его были пронзительными, большими и темными. Кожа обожжена солнцем до черноты, волосатые руки бугрились мышцами.

Козья шкура покрывала его мощную грудь, доходя почти до колен. В правой руке великан держал толстый посох. Черные курчавые волосы обрамляли лицо, сквозь густую бороду, спускавшуюся на грудь, виднелись яркие губы.

Он казался усталым.

Пришелец оперся на посох и задумчиво посмотрел на Глогера.

Глогер в ответ посмотрел на него, удивляясь подавляющему ощущению физического присутствия этого человека.

Когда пришелец заговорил, у него обнаружился низкий голос, но говорил он слишком быстро, и Глогер не разобрал слов. Он покачал головой.

- Говори... более медленно... - сказал он.

Великан присел на корточки рядом.

- Кто ты?

Глогер заколебался. Он не мог рассказать правду. И уже придумал правдоподобную, как ему казалось, историю. Но дела пошли не так, как он рассчитывал, и заготовленная легенда не годилась. Глогер должен был прибыть никем не замеченным и выдать себя за путешественника из Сирии, его акцент подтверждал бы это.

- Откуда ты пришел? - терпеливо спросил великан.

Глогер осторожно ответил:

- Я с севера.

- Север. Египет? - человек выжидающе, почти с надеждой глядел на Глогера.

Глогер решил, что если его акцент похож на египетский, то будет лучше согласиться, добавив что-нибудь, чтобы избежать дальнейших осложнений.

- Я покинул Египет два года назад, - сказал он.

Великан кивнул с явным удовлетворением.

- Итак, ты из Египта. Мы так и подумали. И, очевидно, ты маг, так как у тебя странная одежда и колесница из железа, приводимая в движение духами. Хорошо. Мне передали, что твое имя Иисус, и ты из Назарета.

Очевидно нашедшие его приняли расспросы за сообщение имени. Глогер улыбнулся и покачал головой.

- Я ищу Иисуса из Назарета.

Этот ответ разочаровал великана.

- Тогда как твое имя!..

Глогер уже думал об этом. Он знал, что его собственное имя покажется людям библейских времен необычным, и поэтому решил использовать имя своего отца.

- Меня зовут Эммануил, - ответил он.

- Эммануил... - великан удовлетворенно кивнул. Затем он потер губы мизинцем и задумался. - Эммануил... да...

Глогер был озадачен. Ему показалось, что его спутали с кем-то, кого рассчитывал увидеть этот великан, и что ожидался ответ, который доказал бы, что Глогер и есть тот, кого ждали. Теперь он сомневался в правильности выбора имени, так как «эммануил» на древнееврейском означало «с нами Бог» и почти определенно имело мистическое значение для спрашивающего.

Глогер ощутил беспокойство. Необходимо было узнать кое-что, задать наводящие вопросы; кроме того ему не нравилось его теперешнее положение. Пока он не оправится от аварии, он не сможет уйти отсюда. И он не может позволить себе рассердить этих людей. По крайней мере, подумал Глогер, они не проявляют враждебности. Но что они ожидали от него услышать?

- Ты должен сосредоточиться на своей работе, Глогер.

- Ты слишком рассеянный, Глогер. Мыслями ты всегда витаешь в облаках...

- Останешься после занятий, Глогер...

- Почему ты хочешь убежать, Глогер? Что тебе не нравится здесь?

- Тебе придется встретиться меня на полдороге, если мы собираемся...

- Думаю, придется попросить твою мать забрать тебя из школы...

- Может быть ты и стараешься, но ты должен стараться больше. Я много ждал от тебя, Глогер, когда ты в первый раз появился здесь. Последний семестр ты занимался чудесно, но сейчас...

- В скольких школах ты побывал прежде, чем пришел сюда? Великие небеса!..

- Я убежден, что тебя подбили на это, Глогер, поэтому не буду слишком строг с тобой на этот раз...

- Не делай такой несчастный вид, сынок, ты справишься с этим.

- Послушай меня, Глогер. Будь внимательней, ради Бога...

- У вас есть мозги, молодой человек, но вы не пользуетесь ими...

- Сожалеете? Но сожалеть недостаточно, надо слушать...

- Мы ожидаем, что в следующем семестре вы будете стараться больше.

- А как тебя зовут? - спросил Глогер сидящего на корточках мужчину.

Тот выпрямился, задумчиво глядя сверху вниз на Глогера.

- Ты не знаешь меня?

Глогер покачал головой.

- Ты не слышал об Иоанне по прозвищу Креститель?

Глогер попытался скрыть удивление, но, очевидно, Иоанн заметил, что его имя знакомо. Он кивнул лохматой головой.

- Я вижу, ты знаешь меня.

Чувство облегчения заполнило Глогера. Согласно Новому Завету Креститель был убит немного раньше распятия Христа. Тем не менее, было странно, что Иоанн не слышал об Иисусе из Назарета. Может быть, Христос на самом деле не существовал?

Креститель запустил пальцы в бороду.

- Ладно, маг, теперь я решу, что с тобой делать.

Глогер, занятый собственными мыслями, рассеянно посмотрел на него.

- Что ты решишь?

- Истинный друг ты, согласно пророчеству, или ложный, о котором нас предупреждал Адонай.

Глогер занервничал.

- Я не делал никаких заявлений. Я просто чужестранец, путешественник...

Креститель усмехнулся.

- Да... путешественник... в волшебной колеснице. Мои братья рассказали, что они видели, как она прибыла. Раздался звук, подобный грому, вспышка молнии - и появилась колесница, покотившись по пустыне. Они видели много чудес, мои братья, но ни одного, настолько удивительного, как появление твоей колесницы.

- Колесница - не волшебство, - поспешно сказал Глогер, сознавая, что его слова вряд ли будут понятны Крестителю. - Это такая машина... у римлян есть такие вещи. Ты, должно быть, слышал о них. Их делают обычные люди, не колдуны...

Креститель медленно кивнул головой.

- Да... как у римлян. Римляне передали бы меня в руки моих врагов, детей Ирода.

Хотя Глогер многое знал о политических событиях этого периода, он спросил:

- Почему?

- Ты должен знать, почему. Разве я не выступаю против римлян, которые поработили Иудею? Разве я не выступаю против беззаконий, творимых Иродом? Не предсказываю время, когда все несправедные будут уничтожены, и царство Адоная возродится на земле, как утверждали древние пророки? Я говорю людям: «Будьте готовы ко дню, когда вы должны поднять меч, чтобы исполнить волю Адоная». Неправедные знают, что погибнут в этот день, и они хотят уничтожить меня.

Хотя слова Иоанн говорил яростные, тон его голоса был совершенно будничным. Не было никакого намека на безумие или фанатизм ни в лице, ни в позе. Он напоминал Карлу английского викария, читающего знакомую проповедь, смысл которой давно потерял актуальность.

- Ты призываешь людей освободить землю от римлян, не так ли? - спросил Карл.

- Да, от римлян, и от их создания, Ирода.

- А кого ты поставишь на их место?

- Истинного короля Иудеи.

- И кто он?

Иоанн нахмурился и исподлобья посмотрел на Карла.

- Адонай скажет нам. Он даст знак, когда придет законный король.

- А ты знаешь, какой будет знак?

- Я узнаю, когда он появится.

- Значит, есть предсказание?

- Да, есть...

Приписывание этого революционного плана Адонаю (одно из произносимых имен Яхве, означающее «Господь») показалось Глогеру просто средством для придания дополнительной значимости. В мире, где, как и на Западе, политика и религия связаны неразрывно, необходимо было приписать плану сверхъестественное происхождение.

В самом деле, подумал Глогер, Иоанн действительно может верить, что эта идея внушена ему самим Богом; ведь греки по ту сторону моря не прекратили еще спорить об источнике вдохновения - рождается ли оно в человеке или помещается в него богами.

То, что Иоанн принял его за египетского волшебника, тоже не особенно удивляло.

Обстоятельства его прибытия должны были казаться исключительно загадочными, и, в то же самое время, приемлемыми, особенно для людей, страстно желавших подтверждения своей вере в такие вещи.

Иоанн направился к выходу.

- Мне нужно подумать, - сказал он. - Я хочу помолиться. Ты останешься здесь до тех пор, пока я не получу знак.

Он быстро зашагал прочь.

Глогер опять опустился на мокрую солому. Каким-то образом его появление было связано с верованиями Иоанна; или, по крайней мере, Креститель пытался сопоставить это появление со своими верованиями, сопоставить с библейскими пророчествами. Глогер почувствовал себя беспомощным. Как Креститель захочет использовать его? Не решит ли он, в конце концов, что Глогер - злое существо, не убьет ли его? Или объявит его пророком или

еще кем-то и потребует пророчество, которое Глогер не сможет дать.

Он вздохнул и протянул руку, коснувшись стены.

Это оказался известняк. Глогер находился в известняковой пещере. Пещера подтверждала предположение, что Иоанн и его люди, объявленные римлянами и солдатами Ирода бандитами, уже скрываются. Это значило, что и он подвергается опасности, если солдаты обнаружат убежище Иоанна.

Воздух в пещере был влажным. Снаружи, должно быть, очень жарко.

Он задремал.

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ, ОСТРОВ УАЙТ, 1950 г.

В первую же ночь на его правое бедро был опрокинут чайник кипятка. Было ужасно больно, кожа почти сразу покрылась волдырями.

- Будь мужчиной, Глогер! - сказал краснолицый мистер Патрик, руководитель лагеря. - Будь мужчиной!

Он попытался не заплакать, когда они неуклюже налепляли пластырь поверх ваты.

Его спальный мешок находился прямо у муравейника. Он лежал в мешке, а в это время другие дети играли.

На следующий день мистер Патрик заявил детям, что они должны «заработать» карманные деньги, данные ему родителями на сохранение.

- Мы посмотрим, кто из вас храбрый, а кто - нет, - сказал мистер Патрик, взмахивая со свистом тростью в воздухе. Он стоял посередине площадки, по краям которой были установлены палатки. Дети выстроились в две длинные шеренги; в одной - девочки, в другой - мальчики.

- Стань в ряд, Глогер! - крикнул мистер Патрик. - Три пенса за удар по руке, шесть пенсов за удар по заду. Не трусь, Глогер!

Глогер с неохотой встал в одну линию с ребятами. Трость поднималась и опускалась. Мистер Патрик тяжело дышал.

- Шесть ударов по заду - это три шиллинга, - он протянул

деньги маленькой девочке.

Еще удары, больше выплаченных денег.

Карл все больше нервничал по мере того, как приближалась его очередь.

В конце концов он выскочил из шеренги и зашагал прочь, к палаткам.

- Глогер! Где твое мужество, мальчик? Тебе не нужны карманные деньги? - послышался сзади него хриплый насмешливый голос мистера Патрика.

Глогер покачал головой и заплакал.

Он вошел в свою палатку и, всхлипывая, бросился на спальный мешок.

Снаружи все доносился голос мистера Патрика:

- Будь мужчиной, Глогер! Будь мужчиной, мальчик!

Карл достал бумагу и шариковую ручку. Его слезы капали на письмо, которое он писал матери. Снаружи слышались удары трости о детскую плоть.

На следующий день боль от ожога усилилась; дети и руководитель игнорировали его.

Даже женщина (жена Патрика), которая считалась «матроной», сказала ему, чтобы он сам ухаживал за собой, что его ожог - пустяки.

Следующие два дня до того, как приехала мать, чтобы забрать его из лагеря, были самыми несчастными в жизни Глогера.

Перед самым прибытием матери миссис Патрик сделала попытку срезать волдырь маникюрными ножницами, чтобы ожог не выглядел слишком плохо.

Мать увезла его и позднее написала мистеру Патрику требование вернуть деньги, назвав его лагерь отвратительным.

Тот написал в ответ, что не вернет деньги, и что, если мадам хочет знать его мнение, ее сын - слабак.

Несколькими годами позднее мистер Патрик, его жена и персонал лагеря были арестованы и заключены в тюрьму за различные акты садизма в летнем лагере на острове Уайт.

Глава 3

По утрам, а иногда и вечером они клали его на носилки и выносили наружу.

Это был не, как он вначале подумал, временный лагерь бунтовщиков, а постоянный поселок. Вокруг расстилались поля, орошаемые из источника, расположенного поблизости. На них выращивались злаки; стада коз и овец паслись на холмах. Жизнь людей была спокойной и неторопливой, и, большей частью, они не обращали на Глогера внимания, занимаясь повседневными делами.

Иногда появлялся Креститель и справлялся о его здоровье. Изредка он задавал загадочные вопросы, на которые Глогер, как мог, старался ответить.

Люди казались уравновешенными; они справляли большее количество мелких религиозных обрядов, чем Глогер считал нормальным для такой немногочисленной общины. Может быть, думал он, эти обряды собирают большее количество людей, чем можно было ежедневно видеть в поселке.

Глогер, в основном, находился наедине со своими мыслями, воспоминаниями и гипотезами. Ребра срастались очень медленно, и он уже стал беспокоиться, достигнет ли когда-нибудь цели, ради которой прибыл сюда.

Он удивлялся небольшому числу женщин в общине. Атмосфера была почти монастырской, и мужчины, кажется, избегали женщин. Постепенно он пришел к выводу, что это, вероятно, очень религиозная община. Может, эти люди являются ессеями? Если это ессеи, то многое объясняется - отсутствие женщин (ессеи не признавали брак), апокалиптические убеждения Иоанна, преобладание религиозных ритуалов, очень простая жизнь этих людей, тот факт, что они, кажется, намеренно отгородили себя от остального общества...

Глогер спросил об этом Крестителя при первом же удобном случае.

- Иоанн... твои люди называют себя ессеями?

Креститель кивнул.

- Как ты узнал это? - спросил он у Глогера.

- Я... я слышал о вас. Ирод объявил вас вне закона?

Иоанн покачал головой.

- Ирод сделал бы так, если бы посмел, но у него нет повода. Мы живем здесь своей жизнью, не причиняя вреда никому, не делая попыток навязать нашу веру другим. Время от времени я проповедую наши убеждения, но против этого нет закона. Мы уважаем заповеди Моисея и проповедуем только, что все должны подчиняться им. Мы выступаем только за праведность. Даже Ирод не может найти в этом преступления...

Теперь Глогер стал лучше понимать суть некоторых вопросов, которых Иоанн задавал ему; понял, почему эти люди вели себя так и жили подобным образом.

Он осознал также, почему они восприняли его прибытие самим собой разумеющимся. Секта, подобная ессеям, практикующая умерщвление плоти, должно быть, привычна к видениям в такой жаркой местности.

Он вспомнил, как однажды натолкнулся на теорию, по которой Иоанн Креститель являлся ессеем, и многие ранние христианские идеи тоже произошли от верований ессеев...

Ессеи, например, применяли ритуальное омовение - крещение, - они веровали в группу из двенадцати человек (апостолов, которые избраны Богом, чтобы быть судьями в последний день), они проповедовали заповедь любви к ближнему, они верили, как и ранние христиане, что живут в дни, предшествующие Армагеддону, когда произойдет последняя битва между светом и тьмой, добром и злом, когда все люди предстанут на Страшном Суде. Как и в других христианских сектах, среди ессеев были люди, верившие, что они представляют силы света, а остальные - Ирод и римляне - представляют силы тьмы, и что их предназначением является уничтожение этих сил. Эти религиозные убеждения были неразрывно связаны с политическими, и вполне возможно, что кто-то вроде Иоанна Крестителя цинично использовал ессеев для своих политических целей, хотя, в действительности, такое

маловероятно.

Терминами двадцатого столетия, решил Глогер, этих ессеев можно было бы назвать неврастениками с почти параноидальным мистицизмом, приведшим их к изобретению секретного языка и остальному - явное указание на умственную неуравновешенность.

Все это приходило в голову Глогеру-неудавшемуся психиатру, но Глогер-человек разрывался между крайним рационализмом и глубоким мистицизмом.

Креститель уже ушел, и Глогер, не сориентировавшись, не успел задать следующие вопросы. Он смотрел, как великан исчезает в глубине пещеры, затем полностью переключил внимание на вид поля, где крошечный есей направлял плуг, который тащили два других члена секты. Глогер смотрел на желтые холмы и скалы. В нем росло желание лучше познакомиться с этим миром; в то же время он раздумывал о том, что стало с машиной времени. Разрушена ли она полностью? Сможет ли он когда-нибудь покинуть этот период времени и вернуться в двадцатое столетие?

СЕКС И РЕЛИГИЯ

Церковный клуб, к которому он присоединился, чтобы найти друзей.

ПРОГУЛКА В ЛЕС, 1954 г.

Во время прогулки по лесу он и Вероника отстали от других. Она была краснощекой и полной даже в тринадцать лет, но она была девочкой.

- Давай сядем здесь и отдохнем, - сказал он, показывая на пригорок, окруженный кустами.

Они сели рядом.

Они молчали.

Его взгляд был прикован не к ее круглому, с шершавой кожей, лицу, а к маленькому серебряному распятию, висевшему на цепочке на шее.

- Лучше давай поищем остальных, - сказала она, - они будут беспокоиться о нас, Карл.

- Пусть они найдут нас, - сказал он, - мы скоро услышим, как они кричат.

- Они могут уйти домой.

- Они не уйдут без нас. Не беспокойся, мы услышим, как они кричат...

Затем он наклонился, протянув руку к одетым в голубую ткань плечам, все еще не отрывая взгляда от распятия.

Он попытался поцеловать ее в губы, но она отвернула голову.

- Давай поцелуемся, - сказал он прерывающимся голосом, понимая даже в этот момент, насколько нелепо звучат его слова, какого дурака он делает из себя; но он заставил себя продолжать:

- Давай поцелуемся, Вероника...

- Нет, Карл, прекрати это.

- Ну что ты...

Она стала сопротивляться, вырвалась из его рук и вскочила на ноги.

Он покраснел.

- Прости, - сказал он, - прости.

- Все в порядке.

- Я думал, ты хочешь этого.

- Тебе не стоило бросаться на меня. Не очень романтично.

- Прости...

Она медленно пошла прочь, крестик раскачивался на шее, очаровывая его. Может, это какой-нибудь амулет, отводящий опасности вроде той, которой она только что избежала?

Карл последовал за ней.

Вскоре они слышали голоса остальных, и Карл почувствовал необъяснимую тошноту.

Несколько девочек похихикали, а один из мальчиков грязно ухмыльнулся.

- Что вы там делали?

- Ничего, - сказал Карл.

Но Вероника промолчала. Хотя она не была готова поцеловать его, намек явно доставил ей удовольствие.

На обратном пути они держались за руки.

Было уже темно, когда все вернулись в церковь и сели пить чай. Они сидели рядом. Глогер все время смотрел на распятие, висевшее в ложбинке между ее уже большими грудями.

Остальные ребята собрались вместе на другом конце пустого церковного зала. Иногда Карл слышал хихиканье какой-нибудь девочки и ловил взгляды мальчиков в их направлении. Он почувствовал, что доволен собой, и подвинулся ближе к Веронике.

- Принести тебе еще чашку чая, Вероника?

Она уставилась в пол.

- Нет, спасибо. Я лучше пойду домой. Мать с отцом станут беспокоиться.

- Я провожу тебя, если хочешь.

Она заколебалась.

- Это недалеко от меня, - сказал он.

- Хорошо.

Они встали, и он взял ее за руку, помахав остальным.

- Пока всем. Увидимся в четверг, - сказал он.

Смех девочек стал неудержимым, и Глогер снова покраснел.

- Не делай без меня ничего, - крикнул один из мальчиков.

Карл подмигнул ему.

Они пошли по хорошо освещенным улицам пригорода, оба слишком смущенные, чтобы говорить; ее рука вяло лежала в его ладони.

Когда они дошли до парадной двери ее дома, она остановилась, затем поспешно сказала:

- Я лучше пойду.

- Теперь ты собираешься подарить мне поцелуй? - спросил он, опять не отводя взгляда от распятия в вырезе ее голубого платья?

Она торопливо клюнула его в щеку.

- Ты можешь сделать это лучше, - сказал Глогер.

- Мне пора идти.

- Ну, давай, - сказал он, - подари нам настоящий поцелуй. - Глогер был близок к панике, густо покраснел и вспотел. Он обнял ее, заставляя себя, хотя сейчас его подташнивало от вида ее

полного лица с грубыми чертами и ощущения тяжелого крупного тела.

- Нет!

За дверь включили свет, и он услышал голос ее отца, брюзжащего в прихожей:

- Это ты, Вероника?

Глогер опустил руки.

- О'кей, если ты так хочешь, - сказал он.

- Прости, - начала она, - это только потому...

Дверь отворилась, и появился мужчина в рубашке с короткими рукавами. Он был такой же толстый, как и его дочь, и черты лица были такими же грубыми.

- Так-так, - сказал он, - значит, завела дружка?..

- Это Карл, - сказала она. - Он проводил меня домой. Он тоже в церковном клубе.

- Вы могли бы привести ее домой немного пораньше, молодой человек, сказал ее отец. - Не хотите ли зайти на чашку чая?

- Нет, благодарю, - сказал Карл, - мне нужно домой. Пока, Вероника, увидимся в четверг.

- Может быть, - сказала она.

В следующий четверг он пришел в клуб на занятие по обсуждению библии. Вероники там не было.

- Ее не пустил отец, - сказала одна из девочек. - Должно быть, из-за тебя. - Она говорила презрительным тоном, и он был озадачен.

- Мы ничего не делали, - сказал он.

- Она тоже это сказала, - продолжала девочка, улыбаясь. - Она говорила, что у тебя ничего не получилось.

- Что ты имеешь в виду? Она не могла...

- Она сказала, что ты не знаешь, как правильно целоваться.

- Она не дала мне шанса.

- Это все, что она сказала, - ответила девочка и поглядела на остальных.

Карл понял, что они ловят его; он чувствовал, что они по-своему флиртуют с ним, заинтригованы, но не мог заставить себя не

покраснеть; после этого оставалось только уйти.

Он никогда больше не ходил в церковный клуб, но следующие несколько недель при мастурбациях он грезил Вероникой и маленьким серебряным крестиком, висящим между ее грудей. Даже когда он представлял ее обнаженной, крест оставался на теле. Постепенно именно крест стал, главным образом, возбуждать его, и после того, как Вероника исчезла из его мыслей, он часто думал о девушках с маленькими серебряными распятиями между грудей, и образ этот приводил его к невероятным вершинам наслаждения.

Глава 4

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Оно было в начале у Бога.

Все чрез него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть.

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеком.

И свет во тьму светит, и тьма не объяла его.

Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн.

Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о свете, дабы все уверовали чрез него.

Он не был свет, но он был послан, чтобы свидетельствовать о свете.

Был свет истинный, который просвещает каждого человека, приходящего в мир.

В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим и свои Его не приняли.

А тем, которые приняли Его, верующим в имя Его, дал власть быть чадами Божиими.

Которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.

От Иоанна, гл. 1: 1-13.

Никому не нужен, никому, никому...

О, Иисус...

Прекрати!

Ду... рак.
 ПРЕКРАТИ ду...
 ПРЕКРАТИ ...рак НЕТ!
 Ис...
 ПРЕКРАТИ
 Я люблю тебя... ПРЕКРАТИ
 Иисус, я... ПРЕКРАТИ
 Никому не нужен...
 Никому не нужен...
 ...необходимо... должен лю...
 ПРЕКРАТИ
 Никому не нужен, никому, никому...
 О, никому, никому...

Его ребра срастались.

Теперь по вечерам он ковылял ко входу в пещеру и слушал голоса ессеев, возносящие вечернюю молитву. По каким-то неясным причинам монотонное бормотание вызывало слезы на его глазах, и он невольно начинал всхлипывать.

На этой стадии выздоровления его часто охватывала депрессия, наводящая на мысль о самоубийстве.

Он включил все газовые горелки в доме, рассчитав время к возвращению матери с работы.

Как раз перед тем, как она открыла калитку в палисадник и прошла по дорожке к двери, он лег на пол в гостиной перед камином.

Войдя, она закричала, подняла его, положила на диван и разбила все окна на первом этаже дома, прежде чем догадалась выключить газ и позвонить доктору.

Когда доктор пришел, у нее уже была готова история - несчастный случай. Но доктор, кажется, все понял и не слишком сочувствовал Карлу.

- Вы не правы, молодой человек, - сказал он, когда мать Карла

вышла из комнаты. - Вы не правы, если хотите знать мое мнение.

Карл заплакал.

- Мы куда-нибудь поедem в выходной, - сказала мать, когда доктор ушел. - В чем дело? Неважно в школе? Мы поедem куда-нибудь в выходной.

- Это не имеет отношения к школе, - всхлипнул он.

- Тогда что?

- Это ты...

- Я? Я? Почему я? Какое я имею отношение? Что ты пытаешься сказать?

- Ничего, - он стал угрюмым.

- Нужно позвонить, чтобы вставили стекла, - сказала она, торопясь уйти из комнаты. - Это обойдется очень дорого.

Возлюби меня, возлюби меня, возлюби меня.

Никому не нужен...

Наш Отец, который пребывает на Небесах, да освятится имя Твое, да грядет царство Твое...

ВОЗЛЮБИ МЕНЯ!

Наплывающий, все загораживающий собой маленький обрезанный пенис... серебряные облака в форме больших пухлых крестов надвигаются все ближе и ближе...

ВОЗЛЮБИ МЕНЯ!

Билл Хейли и его кометы. До свидания, аллигатор. И на три с половиной месяца Бог был забыт.

Иоанн Креститель отсутствовал больше месяца, и Глогер жил с ессеями удивительно легко. Когда улучшилось самочувствие, он присоединился к их повседневной жизни.

Он обнаружил, что поселок состоит из в беспорядке разбросанных одноэтажных строений из известковых камней и глиняных кирпичей, а также пещер в холмах по обеим сторонам небольшой долины. Некоторые пещеры были естественными, другие выко-

паны предшественниками ессеев и самими общинниками.

Ессеи владели хозяйством все вместе, а некоторые члены секты даже имели жен, чего Глогер не заметил ранее, хотя большинство вели почти монашеский образ жизни.

К своему удивлению Глогер узнал, что большая часть ессеев является пацифистами; они отказывались хранить и изготавливать оружие. Их убеждения не совсем совпадали с некоторыми воинственными заявлениями Крестителя, хотя секта явно терпела и уважала Иоанна.

Возможно, ненависть к римлянам пересиливала их принципы. Возможно, они не до конца разобрались в намерениях Иоанна. Вероятно, они умышленно не распространялись на эту тему; может, Глогер просто не понял Иоанна. Какой бы ни была причина уступок, почти не было сомнений, что Креститель фактически является их лидером.

Жизнь ессеев проходила в ритуальном омовении три раза в день, молитве перед каждым приемом пищи - на рассвете и на закате, - и в работе.

Работа была нетрудной.

Иногда Глогер ходил за плугом, который тащили два члена секты, иногда помогал тащить плуг, иногда приглядывал за козами, пасущимися на склонах холмов. Это была спокойная, размеренная жизнь, и даже ее нездоровые аспекты представляли собой настолько привычную рутину, что Глогер вскоре почти перестал замечать их.

Приставленный к козам, он ложился на вершине холма, всматривался в пустыню. Окружающая местность на самом деле не была настоящей пустыней, а скорее каменистой пустошью, имевшей достаточно растительности, чтобы прокормить животных - коз и овец.

Пейзаж нарушался приземистыми кустами и немногими низкорослыми деревьями, растущими вдоль берегов реки, которая, без сомнения, впадала в Мертвое море.

Горизонт был неровным. Его очертания напоминали волны в озере, замерзшие и ставшие желто-коричневыми.

За Мертвым морем лежал Иерусалим.

Глогер часто думал о Иерусалиме.

Очевидно, Христос еще не вошел туда в последний раз.

Иоанн Креститель (если верить Новому Завету) должен умереть прежде, чем это произойдет. Саломея станцует для Ирода, и голова Крестителя упадет с плеч.

Глогер чувствовал себя виноватым из-за того, что эта мысль возбуждает его. Может, стоит предупредить Крестителя?

Но он знал, что не сделает этого. Его специально предупреждали, что не стоит пытаться изменить ход истории. Глогер спорил с собой, приводя довод, что не имеет ясного представления о направлении, в котором развивается история этого времени. Сохранились только легенды. Никаких чисто исторических записей. Главы Нового Завета были написаны десятилетиями или даже столетиями позже времени, о котором говорили. Они никогда не считались исторически подлинными. Если так, то, конечно, не будет ничего страшного, если он вмешается в события.

Но Глогер все-таки знал, что не предупредит Иоанна об опасности. Он смутно догадывался, что причиной этому было желание, чтобы ход событий оказался верным. Глогер хотел, чтобы Новый Завет содержал правду.

Его мать часто переезжала, хотя почти всегда оставалась в том же районе (продав дом в одной части Южного Лондона, она покупала новый в полу-миле от него).

Этап увлечения рок-н-роллом прошел у Глогера довольно быстро; к этому времени они переехали в район Торнтон, и Карл присоединился к хору местной церкви. Голос у Глогера был приятным и мелодичным, и куратор, занимавшийся с хором, начал проявлять особый интерес к Карлу. Сначала они обсуждали музыку, но вскоре беседы стали все чаще носить религиозный характер. Карл спрашивал у куратора советы по общим проблемам совести, не дававшим ему покоя.

(Как он может жить будничной жизнью, не рана при этом ничьих чувств? Почему люди так жестоки друг к другу? Почему происходят войны?)

Ответы мистера Юнгера были такими же расплывчатыми, как и вопросы Карла, но он давал их низким доверительно-убеждающим тоном голоса, который обычно доставлял Карлу облегчение.

Они вместе гуляли. Мистер Юнгер клал руку на плечи Карла.

Однажды в выходной они отправились на фестиваль, остановившись в отеле. Карл оказался в одной комнате с мистером Юнгером.

Поздно ночью мистер Юнгер забрался в постель.

- Я хотел бы, чтобы ты был девушкой, Карл, - сказал мистер Юнгер, поглаживая голову Глогера. Тот был слишком встревожен, чтобы отвечать, но среагировал, когда мистер Юнгер положил руку на его гениталии.

Они занимались любовью всю ночь, но утром Карл почувствовал отвращение, стукнул мистера Юнгера в грудь и сказал, что если тот когда-нибудь попытается сделать это снова, он расскажет матери. Мистер Юнгер заплакал и сказал, что он просит прощения, и не могут ли они с Карлом остаться друзьями. Но Карл чувствовал, что каким-то образом мистер Юнгер предал его. Мистер Юнгер сказал, что любит Карла - не таким путем, а по-христиански - и что он очень рад его компании. Карл молчал и избегал его взгляда, пока они возвращались в Торнтон на поезде.

В хоре Карл оставался еще несколько недель, но между ним и мистером Юнгером возникло напряжение.

Однажды вечером после репетиции мистер Юнгер попросил Карла остаться, и тот разрывался между отвращением и желанием. В конце концов он остался и позволил мистеру Юнгеру погладить свои гениталии под плакатом, изображавшим простой деревянный крест и надпись «БОГ - ЭТО ЛЮБОВЬ» под ним.

Прочитав, Карл истерично засмеялся и выбежал из церкви. Он никогда больше не возвращался туда.

Ему было пятнадцать.

Серебряные кресты - это женщины.

Деревянные кресты - это мужчины.

Он часто думал о себе, как о деревянном кресте. У него случались галлюцинации в период между сном и пробуждением, в которых он казался себе тяжелым деревянным крестом, преследующим во тьме изящный серебряный крест.

В семнадцать Глогер полностью потерял интерес к официальному христианству и увлекся языческой религией, особенно кельтским мистицизмом и культом Митры. У него была короткая связь с женой майора, жившей в Кильберне; он встретил ее на вечеринке у женщины с которой познакомился благодаря частным объявлениям в журнале «Авирьон».

Жена майора (сам он в это время находился где-то на Ближнем Востоке) носила маленький серебряный кельтский крестик - «солнечный крест», который и привлек вначале внимание Глогера. Тем не менее, потребовалось полбутылки джина, прежде чем он посмел обнять ее хрупкие плечи и позднее, в темноте, сунуть руку между бедер и нащупать промежность под сатиновыми панталонами.

После Дейдры Томпсон у него последовала серия романов с некрасивыми женщинами. Каждая из них, как он обнаружил, носила такие же сатиновые панталоны. Через шесть месяцев он устал, возненавидел неврастеничных женщин, презирал себя, и ему наскучил кельтский мистицизм. Большую часть этого времени он жил вне дома, в основном у Дейдры Томпсон, но когда произошел первый срыв, он вернулся домой.

Мать решила, что ему нужна смена обстановки, и дала денег на поездку в Гамбург, где у него были друзья.

Гамбургские друзья верили в то, что являются потомками тех, кто погиб, когда Атлантида была уничтожена атомными бомбами с летающих тарелок враждебных чудовищ с Марса.

На этот раз последовала череда некрасивых немецких женщин. В отличие от своих британских сестер, все они носили чер-

ные нейлоновые кружевные трусики.

В этом и заключалась перемена.

В Гамбурге он стал воинствующим антихристианином; теперь он был убежден, что христианство - это извращенная более старая вера, нордическая.

Но он так и не смог полностью принять, что в конечном счете это была вера в Атлантиду. Глогер перессорился с немецкими друзьями, счел остальных немцев несимпатичными и поехал в Тель-Авив, где у него был знакомый владелец книжного магазина, специализировавшегося на трудах по оккультным наукам, в основном на французском языке.

Именно в Тель-Авиве, в беседе с венгерским художником, он узнал о Юнге; и тогда же Глогер забыл об этом, как о чепухе. Он стал еще более замкнутым и однажды утром отправился автобусом в сельскую местность, полупустыню. В конце концов он оказался в Антилебанноне, где в ходу язык, очень похожий на древнеарамейский. Он нашел тамошних жителей гостеприимными, ему понравилось жить среди них, и прошло четыре месяца, прежде чем он вернулся в Тель-Авив. Там, отдохнувший, он снова вспомнил о Юнге и поговорил с венгром. Но во всех оккультных магазинах округи не было книг о Юнге на английском языке, и Глогер решил вернуться в Англию, заняв денег на проезд в Британском консульстве.

Как только он оказался в Южном Лондоне, то сразу направился в местную библиотеку и потратил там массу времени, читая Юнга.

Мать интересовалась, когда он собирается начать работать. Карл ответил ей, что хочет изучать психологию и намерен стать психиатром.

Образ жизни эссеиста, несмотря на простоту, был достаточно комфортабелен. Ему дали набедренную повязку из козьей шкуры, посох, и, если не считать того, что за ним все время наблюдали, Глогера, кажется, приняли, как обычного члена секты.

Иногда в разговоре ему задавали вопросы о колеснице - машине времени, которую собирались в ближайшем будущем при- тащить из пустыни, и он отвечал, что машина перенесла его из Египта в Сирию, а потом сюда. Они воспринимали чудо спокойно, так как были привычны к чудесам.

Ессеи видели и более странные вещи, чем его машина вре- мени.

Они видели людей, ходивших по воде, ангелов, спускавших- ся с небес и поднимавшихся туда, они слышали голоса Бога и его архангелов, а также искушающий голос Сатаны и его приспеш- ников.

Они описывали все это в пергаментных свитках - докумен- тальные отчеты о сверхъестественном, написанные так же про- сто, как и другие свитки, содержащие отчеты об их повседневной жизни и о новостях, которые путешественники приносили им.

Они постоянно жили в присутствии Бога, говорили с Богом, получали от Него ответы, когда достаточно укрощали свою плоть, морили себя голодом и пели молитвы под палящим солнцем Иу- деи.

Карл Глогер отрастил волосы до плеч и бороду. Кожа на лице и теле скоро дочерна загорела. Он укрощал плоть, голодал и пел молитвы так же, как и они.

Но он редко слышал голос Бога, и только раз ему показалось, что он видел архангела с огненными крыльями.

Однажды они повели его к реке и крестили именем, которое он сказал Иоанну Крестителю. Они назвали его Эммануилом.

Церемония, в течение которой пели молитвы и били покло- ны, завораживала и оставила Глогера в состоянии полной эйфо- рии. Таким счастливым он себя еще ни разу не чувствовал.

Глава 5

Несмотря на желание увидеть то, что видят ессеи, Глогер был разочарован. И одновременно удивлялся, что чувствует так хоро- шо несмотря на добровольные мучения, которым себя подвергал.

Он доверял этим странным мужчинам и женщинам, являющимся, как вынужден был признать, безумными по всем принятым стан- дартам. Возможно, это происходило потому, что их безумство не очень сильно отличалось от его собственного, и через некоторое время он перестал думать об этом.

Моника.

У Моника не было серебряного креста.

Впервые они встретились, когда Глогер работал в психиатри- ческой лечебнице Дарли Гранда санитаром. Он надеялся, что смо- жет заработать повышение. Она была психиатром-социологом и оказалась более отзывчивой, чем остальные, когда он пытался рассказать о трудностях пациентов, о мелких мучениях, которые причиняли им другие санитары и няньки - удары, окрики.

- Мы не можем подобрать хороший персонал, - ответила она ему. Видите ли, оклады такие низкие...

- Тогда им надо платить больше.

Вместо того, чтобы пожать плечами, как делали остальные, она кивнула.

- Я знаю. Я написала два письма в «Попечитель», не называя своего имени, и одно из них было опубликовано.

Он уволился вскоре после этого разговора и не видел ее не- сколько лет.

Ему было двадцать.

Иоанн Креститель вернулся однажды в сопровождении двад- цати учеников.

Глогер заметил его, когда загонял коз на ночь в пещеру. Он подождал, пока Иоанн приблизился. Сначала Креститель не уз- нал его, затем рассмеялся.

- Ну, Эммануил, ты стал настоящим ессеем, как я поглажу. Они уже крестили тебя?

Глогер кивнул.

- Да.

- Хорошо. - Затем Креститель нахмурился, словно что-то вспомнил. - Я был в Иерусалиме, - сказал он. - Повидался с друзьями.

- И какие новости?

Креститель откровенно посмотрел ему в глаза.

- Что ты, скорее всего, не шпион римлян или Ирода.

- Я рад, что ты так решил, - улыбнулся Глогер.

Угрюмые черты лица Иоанна смягчились. Он улыбнулся и пожал на манер римлян руку Глогера.

- Итак, ты - наш друг. Возможно, более, чем друг...

Глогер нахмурился.

- Я не понимаю тебя, - он чувствовал облегчение от мысли, что Креститель, который все это время проверял, не шпион ли он, решил, что Глогер - друг.

- Я думаю, ты знаешь, что я имею в виду, - сказал Иоанн.

Глогер был утомлен. Он ел очень мало и провел день на солнцепеке, выпасая коз. Он зевнул и не смог заставить себя продолжить разговор.

- Я не... - начал он.

Лицо Иоанна на мгновение помрачнело, затем он неловко рассмеялся.

- Ничего сейчас не говори. Поедим вместе, у меня есть дикий мед и саранча.

Глогер еще не ел эту пищу. Таков обычно рацион путешественников, питающихся тем, что можно отыскать по дороге. В некоторых странах это считается лакомством.

- Спасибо, - сказал он. - До вечера.

Иоанн улыбнулся загадочно, затем пошел в поселок, сопровождаемый учениками.

Озадаченный Глогер загнал коз в пещеру и закрыл плетеные ворота. Затем он направился к себе и улегся на солому.

Очевидно, Креститель видел в нем кандидата на какую-то роль в своей схеме событий.

Вся трава, все деревья, все солнечные дни с Евой, милой, девственной, восхитительной. Он встретил ее в Оксфорде, на вечеринке у Джерарда Фридмена, журналиста, специализировавшегося на оккультной литературе.

На следующий день они гуляли вдоль Изиса, глядя на баржи, прилепившиеся к противоположному берегу, на рыбачивших мальчишек, на шпиль колледжа вдали.

Она была задумчива.

- Не тревожься так сильно, Карл. Нет ничего совершенного. Ты же можешь принимать жизнь, как она есть?!

Она была первой девушкой, с которой он чувствовал себя спокойно. Глогер засмеялся.

- Думаю, да. Почему бы и нет?

Она была такой прелестной. Ее белокурые волосы, длинные и шелковистые, часто спадали на лицо, закрывая большие голубые глаза, глядящие так искренно независимо от того, была ли она серьезна или шутила. Те несколько недель он принимал жизнь, какой она была. Они спали в его маленькой комнате на чердаке дома Фридмена, не тревожимые даже похотливым интересом хозяина к их связи, не обращая внимания на письма, которые она иногда получала от родителей, спрашивавших, когда она вернется домой.

Ей было восемнадцать, впервые в Сомервилле, и были каникулы.

В первый раз, насколько он припоминал, его кто-то любил. Она безраздельно любила его, а он ее. Сперва ее страсть и забота обескураживали Глогера, внушали ему подозрение, так как он не верил, что кто-то может чувствовать такую любовь к нему. Постепенно он поверил в это и полюбил сам в ответ. Находясь в разлуке, они писали друг другу неуклюжие любовные стихи.

- Ты такой хороший, Карл, - говорила она. - Ты можешь сделать для мира что-то чудесное.

Он смеялся.

- Единственный талант, который у меня есть, - это жалость к

себе.

- Стремление к самопознанию - вот что это.

Он пытался развеять ее идеалистические представления, но только убедил в собственной скромности.

- Ты как... как Персиваль... - сказала она ему однажды ночью, и он громко рассмеялся. Но, увидев, что причинил этим боль, поцеловал ее в лоб.

- Не глупи, Ева.

- Это правда, Карл. Ты ищешь священную чашу Грааля, и ты найдешь ее.

Впечатленный ее верой, он подумал, не права ли она. Может, у него есть предназначение? Она заставила его почувствовать себя героем, он наслаждался ее обожанием.

Карл провел для Фридмена небольшое исследование и заработал этим достаточно денег, чтобы купить ей маленький серебряный анк (священный крест, символизировавший в древнем Египте жизнь). Она была восхищена подарком, так как питала в то время особый интерес к египтянам.

Но Глогер не долго довольствовался радостью ее любви. Он хотел проверить эту любовь, убедиться в ней. Он стал напиваться по вечерам, рассказывал ей грязные истории, затевал в пивных драки, в которых делал очевидным, что слишком труслив, чтобы продолжать их.

И она стала отдаляться от него.

- Ты заставляешь меня нервничать, - объясняла она печально.

- В чем дело? Ты не можешь любить меня ради меня самого? Ты знаешь, что это мне нравится. Я не Персиваль.

- Ты опускаешься, Карл.

- Я только пытаюсь показать, каков я на самом деле.

- Но на самом деле ты не такой. Ты милый, хороший... добрый...

- Я - жалеющий себя неудачник. Бери или уходи.

Она ушла. Вернулась домой к родителям. Глогер написал ей письмо и не получил ответа. Тогда он приехал к ней, но родители сказали, что ее нет дома.

Несколько месяцев его переполняло ужасное чувство потери, смятения. Зачем он намеренно разрушил их отношения? Потому что он хотел, чтобы она приняла его таким, какой он есть, а не каким она воображала его. Но вдруг она была права? Не отвергли ли он возможность стать чем-то лучшим? На этот вопрос Глогер ответить не мог.

Один из учеников Крестителя пришел за ним часом позднее и повел в дом на другой стороне долины.

В доме было только две комнаты, одна - для еды, другая - для сна.

Иоанн поджидал его в обеденной комнате со скудной утварью, жестом пригласив сесть на хлопковую циновку с противоположной стороны низкого стола, на котором стояла пища.

Глогер сел и скрестил ноги. Иоанн улыбнулся и рукой указал на стол.

- Начинай.

Мед и саранча оказались слишком сладкими, но это было приятным разнообразием после ячменя и козьего молока.

Иоанн Креститель ел с видимым удовольствием. Уже стемнело, и комната была освещена лампой - фитиль, плавающий в чашке с маслом. Снаружи доносилось глухое бормотание, стоны и вскрики молящихся.

Глогер макнул саранчу в чашку с медом.

- Зачем ты хотел видеть меня, Иоанн?

- Потому что пришло время.

- Время для чего? Ты хочешь поднять народ Иудеи на восстание против римлян?

Крестителя встревожил прямой вопрос.

- Если на то будет воля Адоная, - сказал он, не поднимая глаз от чашки с медом.

- Римляне знают об этом?

- Не думаю, Эммануил. Но Ирод-кровосмеситель, без сомнения, рассказал им, что я призываю против неправедных.

- Но римляне не арестовали тебя.
 - Пилат не посмеет из-за петиции, посланной императору Тиберию.
 - Что за петиция?
 - Ее подписали Ирод и фарисеи, когда прокуратор Пилат убрал щиты с обетами в Иерусалиме и хотел осквернить Храм. Тиберий одернул Пилата, и с тех пор, хотя он и ненавидит евреев, прокуратор более осторожен в обращении с ними.
 - Скажи мне, Иоанн, ты знаешь, сколько времени Тиберий правит в Риме? - Раньше у Глогера не было возможности задать этот вопрос.
 - Четырнадцать лет.
 Это был 28 год нашей эры - чуть меньше года осталось до даты, на которой сходятся ученые, когда обсуждают вопрос датировки распятия. А его машина времени разбита!
 Сейчас Иоанн Креститель готовит вооруженное восстание против оккупировавших Иудею римлян, но, если верить Евангелию, он скоро будет обезглавлен по приказу Ирода. Так что никакого крупного восстания в это время не произошло.
 Даже те, кто считал, что приход Иисуса с апостолами в Иерусалим и захват Храма являются действиями вооруженных повстанцев, не нашли письменных подтверждений, что это восстание возглавлял Иоанн.
 Ему снова пришла мысль, что он может предупредить Иоанна. Но поверит ли Креститель? Скорее всего, нет. Глогеру Креститель нравился. Этот человек являлся закаленным революционером, годами планировавшим восстание против римлян и неустанно увеличивавшим число своих последователей, чтобы попытка оказалась успешной.
 Иоанн очень напоминал Глогеру партизанского вожака времен Второй Мировой войны. Он обладал такой же жестокостью и пониманием реальности своей позиции. Он знал, что будет иметь всего одну попытку сокрушить когорты, оккупировавшие страну. Если восстание затянется, у Рима будет достаточно времени, что послать дополнительные войска в Иерусалим.

- Как ты считаешь, когда Адонай намерен уничтожить неправедных при твоём посредничестве? - тактично спросил Глогер.
 Иоанн взглянул на него с некоторым удивлением.
 - Пасха. Это время, когда народ наиболее взбудоражен и настроен против чужеземцев, - сказал он.
 - Когда следующая Пасха?
 - Через несколько месяцев.
 Глогер некоторое время ел в молчании, затем посмотрел прямо в глаза Крестителю.
 - Я играю какую-то роль в твоём плане, не так ли? - спросил он.
 Иоанн посмотрел на пол.
 - Ты был послан Адонаем помочь нам выполнить его волю.
 - Как я могу помочь тебе?
 - Ты - маг.
 - Я не умею творить чудеса.
 Иоанн вытер мед со своей бороды.
 - Я не могу поверить в это, Эммануил. Ты появился здесь чудесным образом. Ессеи не знали, дьявол ты или посланец Адоная.
 - Ни то и ни другое.
 - Почему ты сбиваешь меня с толку, Эммануил? Я знаю, что ты посланец Адоная. Ты - тот знак, который ждали ессеи. Время почти наступило. Царство небесное скоро восстанет на земле. Идем с нами. Скажи людям, что ты говоришь голосом Адоная. Покажи великие чудеса.
 - Твоя власть слабеет, не так ли? - Глогер пристально посмотрел на Иоанна. - Ты нуждаешься во мне, чтобы укрепить надежды повстанцев?
 - Ты говоришь, как римлянин, без всяких околичностей.
 Иоанн поднялся, рассердившись.
 Очевидно, подобно ессеям, с которыми жил, Иоанн Креститель предпочитал менее прямые способы выражения мыслей. На то были веские причины, так как эти люди все время боялись предательства. Даже записи ессеев были зашифрованы. Невинно выглядящее слово или фраза означали на самом деле совершенно

другое.

- Прости, Иоанн. Но скажи мне, прав ли я? - тихо проговорил Глогер.

- Разве ты не маг, прибывший неизвестно откуда в той колеснице? Креститель махнул рукой и пожал плечами. - Мои люди видели твой приход! Они видели, как в воздухе появилась сверкающая сфера, треснула и позволила тебе выйти из нее. Это ли не чудо? Одежда, которая была на тебе - разве это обычная одежда? Талисманы внутри колесницы - разве они не говорят о могущественном волшебстве? Пророк сказал, что мессия придет из Египта, и звать его Эммануил. Так записано в книге Мики! Разве все это не правда?

- По большей части, да. Но есть объяснение... - он замолчал, не сумев придумать перевод слову «рациональное». - Я - обычный человек, как и ты. У меня нет власти делать чудеса! Я только человек!

Иоанн злобно нахмурился.

- Значит, ты отказываешь нам в помощи?

- Я благодарен тебе и ессеям. Вы спасли мою жизнь. Если я могу отплатить чем-нибудь...

Иоанн решительно кивнул головой.

- Ты можешь отплатить, Эммануил.

- Как?

- Стать великим магом, который мне нужен. Позволь мне предъявить тебя тем, кто стал нетерпелив и сомневается в воле Адоная. Позволь мне рассказать, как ты появился здесь. Затем ты должен сказать, что все происходит по воле Адоная, и что они должны быть готовы исполнить ее.

Иоанн пристально посмотрел на Глогера.

- Согласен, Эммануил?

- Иоанн, нет ли способа, которым я мог бы помочь тебе, не обманывая ни тебя, ни себя, ни этих людей?..

Иоанн задумчиво посмотрел на него.

- Возможно, ты не осознаешь своего предназначения... - сказал он. - Почему бы и нет? В самом деле, если бы ты стал что-то

требовать, я еще сильнее подозревал бы тебя. Эммануил, ты можешь поверить мне на слово, ты - тот, о котором говорило пророчество.

Глогер почувствовал себя побежденным. Как он мог спорить с верой? Может, он действительно тот человек, которого они ждали? Предположим, был некто, одаренный даром предвидения... О, это чепуха! Хотя, что он мог теперь сделать?

- Иоанн, тебе очень нужно знамение... Но, предположим, появится настоящий волшебник...

- Он уже появился. Это ты. Я молился, и я знаю.

Как же объяснить Иоанну, что только отчаянная необходимость в помощи убедила его? Глогер вздохнул.

- Эммануил, ты поможешь народу Иудей?

Глогера передернуло.

- Дай подумать, Иоанн. Мне нужен отдых. Приходи утром, и тогда я отвечу тебе.

С некоторым удивлением он понял, что роли их поменялись. Теперь, вместо того, чтобы стараться сохранить расположение Крестителя, Глогер повернул дело так, что Креститель стремился завоевать его расположение.

Когда Глогер вернулся к себе в пещеру, то не смог сдержать широкую улыбку. Как, оказывается, просто получить власть. Но как использовать эту власть? Действительно ли у него есть предназначение? Сможет ли он изменить историю и стать ответственным за помощь евреям в изгнании римлян?

Глава 6

- Быть евреем - значит быть бессмертным, - говорил ему Фридмен через несколько дней после того, как Ева вернулась к своим родителям. - Быть евреем - значит иметь предназначение, даже если это предназначение просто выжить...

Фридмен был высоким массивным человеком с бледным полным лицом, циничным взглядом и почти совершенно лысый. Он любил плотные костюмы из зеленого твида. К Карлу Фридмен

относился исключительно великодушно и, казалось, почти ничего не ожидал в ответ - разве только иногда составить аудиторию.

- Быть евреем - значит быть мучеником. Выпей еще наливки.
- Он пересек кабинет и налил для Карла еще в большой стакан. - Вот где ты ошибался в ней, мой мальчик. Ты не смог выдержать успеха.

- Не думаю, что это правда, Джерард. Я хотел, чтобы она принимала меня таким, какой я есть...

- Ты хотел, чтобы она принимала тебя таким, каким ты видел себя, а не таким, каким видела она. Кто прав в этом случае? Ты видишь себя мучеником, не так ли? Какая жалость! Такая хорошенькая девушка! Ты мог бы передать ее мне вместо того, чтобы напрочь отпугнуть.

- О, не надо, Джерард. Я любил ее!

- Себя ты любил больше.

- А кто нет?

- Многие люди не любят себя совсем. Ты любишь себя, и это твое достоинство.

- Ты делаешь из меня Нарцисса.

- Ты не такой красивый, не обманывайся.

- В любом случае не думаю, что это как-то связано с тем, что я еврей. Ты и твое поколение всегда придают большое значение национальности. Вы как бы требуете компенсацию за то, что происходило при Гитлере.

- Возможно.

- Как бы там ни было, я не настоящий еврей. Меня не воспитывали в еврейской вере.

- С твоей-то матерью, и ты не был воспитан, как еврей?! Может быть, ты не ходил в синагогу, сынок, но ты многое получил другими путями...

- О, Джерард, ты не ответил мне, уводишь в сторону. Я все время думаю, как вернуть ее назад.

- Забудь о ней. Найди себе хорошенькую еврейскую девушку. Я советую тебе. Она поймет. Когда все сказано и сделано, Карл, эти нордические типы не годятся для того, что ты хочешь...

- Боже! Я не знал, что ты расист!

- Я только реалист...

- Я уже это слышал.

- Хорошо, если ты хочешь неприятностей...

- Может быть, хочю.

Отец...

Наполненные болью глаза.

Отец...

Двигающиеся без слов губы.

Тяжелый деревянный крест, барахтающийся в болоте, а с холма наблюдает изящный серебряный крест.

Черт... НЕТ!

Не должен спрашивать...

Только хотел... НЕТ!

ПОМОГИ МНЕ!

Нет.

- В официальной религии нет ничего хорошего, - говорил ему в пивной Джонни, недоучившийся приятель Джерарда. - Она просто не соответствует времени. Ты должен найти ответ в себе. Медитация!

У Джонни было худое, вечно обеспокоенное лицо. По словам Джерарда он учился на третьем курсе, и очень плохо.

- От религии ты берешь только утешение, отвергая ответственность, - сказал Фридмен, сидящий у стойки бара как раз позади Джонни.

Карл засмеялся.

Джонни повернулся к Джерарду.

- Это типично, не так ли? Ты не знаешь, о чем говоришь. Ответственность? Я не пацифист, готовый умереть за свои убеждения. Это больше, чем сделал бы ты.

- У меня нет никаких убеждений...

- Точно!

Карл снова засмеялся.

- Я буду пассивно сопротивляться любому человеку в этой пивной!

- О, заткнись! Я нашел то, что не найдет ни один из вас.

- Это, кажется, пошло тебе на пользу, - грубо сказал Карл, сразу же пожалел об этом и положил руку на плечо Джонни, но юноша скинул ее и ушел из бара.

Карл очень расстроился.

- Не тревожься о Джонни, - сказал Джерард. - Он всегда попадает на чью-либо удочку.

- Я не об этом. Он прав. Он имеет что-то, во что верит. Я не могу найти ничего.

- Так спокойнее.

- Я не знаю, как ты можешь говорить о спокойствии при твоём мрачном интересе к ведьмам и тому подобному.

- У каждого свои проблемы, - сказал Джерард. - Выпей еще.

Карл нахмурился.

- Я напал на Джонни только потому, что он смутил меня, выставив на посмешище.

- У каждого свои проблемы. Выпей еще.

Я пойман. Тону. Не могу быть самим собой. Сделан тем, что хотели другие. Неужели это судьба каждого человека? Не были ли великие индивидуалисты созданиями своих друзей, которые хотели иметь великих индивидуалистов в качестве друзей?

Великие индивидуалисты должны быть одиноки, чтобы люди считали их неуязвимыми. Под конец их уже не воспринимают людьми. Обращаются как с символом вещи, которой уже не существует. Они должны быть одинокими. Никому не нужны.

Всегда есть какая-то причина быть одиноким.

Никому не нужны...

- Мама... я хочу...

- Кому есть дело до того, что ты хочешь? Отсутствовать почти год! Не писать. Как насчет того, что хочу я? Где ты был? Я могла умереть...

- Постарайся понять меня...

- Зачем? Ты когда-нибудь пытался понять меня?

- Да, я пытался...

- Черта с два! Чего ты хочешь на этот раз?

- Я хочу...

- Разве я не говорила, доктор сказал мне...

Одинок...

Мне нужно...

Я хочу...

- Ты ничего не получишь в этом мире, чего не заработал. И не всегда получишь даже то, что заработал.

Пьяный Глогер облокотился о стойку бара и слушал низкорослого краснолицего мужчину.

- Есть масса людей, не получающих того, что они заслуживают, - сказал бармен и засмеялся.

- Я имею в виду, что... - продолжал краснолицый мужчина медленно.

- Почему бы тебе не заткнуться? - сказал Карл.

- О, заткнитесь вы оба! - сказал бармен.

Любимая...

Изящная, нежная, милая.

Любовь...

- Твоя беда, Карл, - говорил Джерард, когда они шли к ресторану, где Джерард хотел угостить ленчем Карла, - в том, что ты все еще веришь в романтическую любовь. Погляди на меня. У меня полный набор недостатков... на которые ты любишь иногда указывать так непочтительно. Я становлюсь ужасно грубым, наблюдая черную мессу и тому подобное. Но я не бегаю, потроша девственниц, - частично потому, что это противозаконно. А против вас, романтических извращенцев, нет закона, чтобы остановить. Я не могу заниматься любовью, если на ней не надето нижнее бе-

лье с черными кружевами, а ты не можешь сделать это, если не поклоняешься вечной любви, и она не поклоняется в ответ, и все ужасно запутывается. Ты причиняешь себе и бедным девушкам, которых используешь, страшный вред! Это отвратительно!

- Сегодня ты более циничен, чем обычно, Джерард.

- Нет, ни капельки. Я говорю абсолютно искренне... Я ни кому не чувствовал привязанности за всю свою жизнь! Романтичная любовь! В самом деле, против нее должен быть закон. Отвратительно! Катастрофично! Посмотри, что случилось с Ромео и Джульеттой! Здесь предупреждение всем нам.

- О, Джерард...

- Почему ты не можешь просто спать с ней и наслаждаться? Остановись на этом. Считай это само собой разумеющимся! Не развращай при этом бедную девушку.

- Обычно они сами хотят этого.

- Ты прав, милый мальчик.

- Ты совсем не веришь в любовь, Джерард?

- Мой дорогой Карл, если бы я верил в какую-нибудь любовь, разве я стал бы тебя предостерегать?

Карл улыбнулся.

- Ты очень добр, Джерард...

- О, господи! не надо, Карл, пожалуйста! Если ты еще раз посмотришь на меня таким образом, я не буду кормить тебя дорогим ленчем, и это вполне серьезно.

Карл вздохнул. Единственный человек, который выказывал по отношению к нему какое-то корыстное расположение, был единственным, кто открыто говорил об этом. В самом деле, смешно.

Я хочу...

Мне нужно...

Я хочу...

- Моника, во мне чего-то не хватает...

- Чего именно?

- Ну, скорее, это отсутствие отсутствия, если ты понимаешь, что я имею в виду.

- О, ради Бога...

- Ты впечатлительный, - говорила ему Ева.

- Нет, я говорил тебе, я жалею себя. Это похоже на впечатлительность?

- О, Карл, ты не делаешь себе никакого послабления?

- Послабления? Я не заслуживаю его.

- Что ты ищешь, Карл? - спросил Джерард за ленчем.

- Не знаю. Возможно, Чашу Грааля. Еве казалось, что я найду ее.

- Почему бы и нет? В наши дни она стоила бы целое состояние! Не взять ли нам еще бутылочку?

- Ты знаешь, Джерард, я не мученик. Я не святой, не герой, не бездельник какой-нибудь. Я - просто я сам. Почему люди не могут принимать меня таким?

- Карл, мне ты нравишься именно такой.

- Зачем ты опекаешь меня? Я нравлюсь тебе запутавшимся - ты это имеешь в виду?

- Может быть, ты прав. Еще бутылочку?

- Хорошо.

Джерард предложил платить, чтобы Глогер мог изучать психологию.

- Я делаю это только потому, что боюсь, что с тобой что-нибудь случится. Ты даже можешь примкнуть к Католической церкви!

Он слушал курс целый год, а потом бросил ходить на занятия. Все, что он хотел - это изучать Юнга, а они настаивали, чтобы он учился и другим дисциплинам, большую часть которых нашел совершенно неинтересными.

Боже?

Боже?

Боже?

Нет ответа.

С Джерардом он был внимательным, серьезным и разумным.

С Джонни он был снисходителен, насмешлив.

С некоторыми он был спокоен. С некоторыми - шумным. В компании глупцов он был счастлив, как глупец. В компании тех, кем восхищался, был доволен, если казался проницательным.

- Почему я разный с разными людьми, Джерард? Я не знаю, кто я на самом деле. Который из этих людей - я, Джерард? Что неправильно во мне?

- Может быть, ты слишком стараешься понравиться, Карл.

Глава 7

Он снова встретил Монику летом 1962 года, вскоре после того, как бросил занятия. В то время он брался за любую работу, и его психика была очень неустойчивой.

Моника оказалась очень кстати - искусный проводник в умственной темноте, готовой поглотить его.

Оба они жили недалеко от Голландского парка и встретились там однажды в воскресенье у пруда с золотыми рыбками в декоративном палисаднике.

Они ходили в парк почти каждое воскресенье. К тому времени он был полностью одержим странным христианским мистицизмом Юнга.

Она, всегда презиравшая Юнга, вскоре стала обхаивать перед Карлом все идеи этого учения.

Хотя Моника и не полностью убедила Карла, ей удалось сбить его с толку.

Прошло шесть месяцев прежде, чем они легли в постель.

* * *

Он проснулся и увидел Иоанна, склонившегося над ним. На

бородатом лице Крестителя было выражение нетерпеливого ожидания.

- Ну, Эммануил?

Карл почесал собственную бороду и кивнул.

- Хорошо, Иоанн, я помогу вам ради тебя, потому что ты спас мне жизнь и стал моим другом. Но взамен ты пошлешь людей притащить мою колесницу сюда, и как можно быстрее. Я хочу посмотреть, нельзя ли ее починить.

- Я сделаю это.

- Не питай слишком большую надежду на мою силу, Иоанн...

- Я абсолютно верю в нее...

- Надеюсь, ты не будешь разочарован.

- Не буду. - Иоанн положил ладонь на плечо Глогера. - Ты должен крестить меня, показать всем, что Адонай с нами.

Глогера все еще тревожила вера Крестителя в его власть, но ему больше нечего было сказать. Если другие разделяют веру Крестителя, тогда, возможно, он сможет что-нибудь сделать.

Глогер снова стал оживленным, как и предыдущим вечером, и на его лице непроизвольно появилась широкая улыбка.

Креститель засмеялся, сперва неуверенно, но затем все более непринужденно.

Глогер тоже засмеялся. Он не мог остановиться, часто прерываясь, чтобы захватить ртом побольше воздуха.

Совершенно невозможно представить себе, что он оказался тем человеком, который вместе с Иоанном Крестителем подготавливает путь для Христа. Тем не менее, Христос еще не появился. Возможно, догадался Глогер, дело происходит за год до распятия.

И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины;

и мы видели славу Его, славу, как Единорожденного от Отца.

Иоанн свидетельствует о Нем, и, восклицая, говорит: Сей был тот, о котором я сказал, что идущий за мною стал впереди меня,

потому что был прежде меня.

От Иоанна, гл. 1: 14-15.

Было слишком жарко.

Они сидели под навесом кафетерия, наблюдая за проходящим в отдалении матчем в крикет.

Неподалеку от них на траве сидели две девушки и парень. Вся компания пила апельсиновый сок из пластмассовых чашек. У одной из девушек на коленях лежала гитара, и она, поставив чашку на землю, начала играть, запев высоким нежным голосом народную песню.

Карл попытался прислушаться к словам. В колледже ему привили вкус к традиционной народной музыке.

- Христианство мертво, - Моника отхлебнула чаю. - Религия умирает. Бог был убит в 1945 году.

- Еще возможно возрождение, - сказал он.

- Будем надеяться, что нет. Религия - это создание страха. Знание уничтожает страх. Без страха религия не может выжить.

- Ты думаешь, в наши дни нет страха?

- Это не тот страх, Карл.

- Ты никогда не задумывалась над идеей Христа? - спросил он, изменив тактику. - Что это значит для христиан?

- Идея трактора означает столько же для марксиста, - ответила Моника.

- Но что появилось первым? Идея или подлинный Христос?

Она пожала плечами.

- Подлинный, если это имеет значение. Иисус был еврейским смутьяном, организовавшим восстание против римлян. За это его распяли. Это все, что мы знаем, что нам нужно знать.

- Великая религия не могла начаться так просто.

- Когда люди нуждаются в ней, они создадут великую религию из самого невероятного начала.

- Об этом я и говорю, Моника, - он энергично махнул рукой, и она слегка отодвинулась. - Идея предшествовала подлинному Христу.

- О, Карл, не продолжай. Подлинный Иисус предшествовал идее о Христе.

Мимо прошла пара, бросив любопытствующие взгляды на спорящих.

Моника заметила это и замолчала.

- Почему ты так стремишься ниспровергнуть религию, насмеяешься над Юнгом? - спросил он.

Моника поднялась, и Глогер встал тоже, но она покачала головой.

- Я иду домой, Карл. Ты оставайся здесь. Увидимся через несколько дней.

Он смотрел, как она шла по широкой дорожке к воротам парка. Возможно, ее компания устраивает меня потому, подумал Карл, что она готова спорить так же страстно, как и я. Или, во всяком случае, почти так же.

Упыри.

Мы с ней одного поля ягоды.

На следующий день, вернувшись домой с работы, он обнаружил письмо.

Моника, должно быть, написала его после того, как они расстались в кафе, и отправила в тот же день. Он открыл конверт и стал читать.

«Дорогой Карл!

Беседа, как видно, не оказывает на тебя большого воздействия, и тебе это известно. Как будто ты слушаешь тон голоса, ритм слов, не слыши того, что тебе стараются объяснить. Ты немного похож на чуткое животное, которое не может понять, что ему говорят, но может различить, в хорошем или плохом настроении находится человек, разговаривающий с ним. Поэтому я пишу тебе пытаюсь донести до тебя свои мысли. Ты реагируешь слишком эмоционально, когда мы вместе...»

Он улыбнулся. Одной из причин, по которым ему доставляло такое удовольствие общаться с ней, было то, что от Моника можно было ожидать активной реакции.

«...Ты делаешь ошибку, рассматривая Христа и христианство как нечто, развивавшееся в течение немногих лет, от смерти Иисуса до времени написания Евангелия. Но христианство не

было чем-то новым. Христианство просто стадия в процессе встречи, взаимного оплодотворения и трансформации западной логики и восточного мистицизма. Взгляни, как религия сама изменилась в течение столетий, интерпретируя себя, чтобы соответствовать изменчивым временам. Христианство - просто новое название для конгломерата старых мифов и философий. Все, что делает Евангелие, это пересказывает старый миф о Солнце и фальсифицирует некоторые идеи римлян и греков.

Даже во втором столетии еврейские ученые отмечали, какой смесью является Евангелие!

Они подчеркивали сильное сходство между различными мифами о Солнце и мифом о Христе. Чудес не было - их изобрели позднее, заняв у разных источников.

Вспомни тех старых викторианских схоластов, которые утверждали, что Платон, в действительности, был христианином, потому что предвидел христианскую мысль!

Христианство стало проводником идей, находившихся в обращении за столетия до Христа. Разве был Марк Аврелий христианином? Он писал в традициях западной философии. Именно поэтому христианство пришло в Европе, а не на Востоке!

Ты должен бы стать теологом со своими наклонностями, а не пытаться быть психологом. То же самое относится и к твоему другу Юнгу.

Постарайся очистить голову от всей этой мрачной чепухи, и твоя жизнь станет намного проще.

Твоя Моника.»

Он скомкал письмо и отбросил его в сторону. Позже ему захотелось перечитать его, но он устоял перед соблазном.

Машина времени показалась Глогеру незнакомой.

Возможно, он настолько привык к примитивной жизни эссеистов, что треснувший шар выглядел для него так же странно, как и для них.

Глогер нажал кнопку, которая должна была управлять снару-

жи входным шлюзом, но ничего не произошло.

Он забрался внутрь сквозь трещину. Вся жидкость исчезла, он знал это. Без ее амортизирующих свойств любые путешествия сквозь время, видимо, просто убьют его.

Иоанн Креститель сунул голову внутрь машины, будто боясь, что Глогер попытается бежать в своей колеснице.

Глогер улыбнулся ему.

- Не тревожься, Иоанн.

Моторы не работали, и даже если бы он снял с них кожухи, его технических знаний не хватало, чтобы их починить. Ни один из приборов не работал. Машина времени была мертва.

Понимание ситуации поразило его шоком. Вероятно, он уже никогда снова не увидит двадцатое столетие, не расскажет, чему был свидетелем здесь.

Слезу выступили у него на глазах, и, спотыкаясь, он выбрался из машины, оттолкнув Иоанна в сторону.

- Ты что, Эммануил?

- Что мне здесь надо? Что мне здесь надо?! - закричал Глогер по-английски, и слова получились нечеткими. Они тоже показались ему незнакомыми. Что происходит с ним?

Он подумал было, не иллюзия ли все это - вроде затянувшегося сна. Идея машины времени казалась ему теперь совершенно абсурдной, невозможной.

- О, Господи, - простонал он, - что происходит?!

Снова ощущение, что все покинули его, овладело им.

Глава 8

Где я?

Кто я?

Что я?

Где я?

- Время и личность, - любил говорить с энтузиазмом Хеддингтон, - две большие тайны. Углы, кривые, мягкая и жесткая перспективы. Что мы видим? Что мы такое? Чем мы можем быть или были? Все это - искривления и повороты времени. Я прези-

раю теории, настаивающие на рассмотрении времени, как четвертого измерения, описывающие его в пространственных эпитетах. Неудивительно, что они ни к чему не привели. Время не имеет ничего общего с пространством - оно связано с психикой. О! Никто не понимает. Даже вы!

Члены группы считали его немного чокнутым.

- Я - единственный, - сказал он серьезно и спокойно, - кто действительно понимает природу времени...

- К слову... - сказала твердо миссис Рита Блейн, - я думаю, что подошло время чая, не так ли?

Остальные с энтузиазмом согласились. Миссис Рита Блейн была немного нетактична. Хеддингтон обиженно встал и ушел.

- Ну и пусть, - сказала она, - ну и хорошо...

Но остальные остались недовольны ею. Хеддингтон, в конце концов, был хорошо известен и придавал группе определенный престиж.

- Надеюсь, он вернется, - пробормотал Глогер.

Он иногда страдал мигренью. Появлялось головокружение, тошнота, полное погружение в боль.

Часто во время приступов он начинал представлять себя другой личностью - персонажем из книги, которую читал; каким-нибудь политиком из передачи новостей; исторической личностью, если в это время читал мемуары. Все эти личности отличала одна особенность - беспокойство, тревога. Хейст в «Победе» был одержим тремя людьми, появившимися на острове, он стремился остановить их и, если это возможно, убить. (В роли Хейста Глогер был несколько более грубым, чем когда воображал себя героем Конрада). После того, как ознакомился с историей Русской революции, Глогер был убежден, что его имя - Зиновьев, министр транспорта и связи. Он очень боялся, как бы его не вычистили из Партии через несколько лет.

Глогер лежал в темной комнате, и голова раскалывалась от тошнотворной боли. Заснуть было невозможно, потому что невозможно было найти решений гипотетических проблем, одолев-

ших его. Он полностью терял ощущение собственной личности и обстоятельств, которые напомнили бы, где и когда он находится.

Когда он рассказал об этом Монике, ее позабавил рассказ.

- Однажды, - сказала она, - ты проснешься и спросишь, кто ты, а я не скажу тебе.

- Хороший из тебя психиатр получился, - засмеялся он.

Ни один из них не беспокоился по поводу этих галлюцинаций. Глогер жил одним днем, не обращая внимания на свои шизоидные наклонности, только его поведение иногда менялось в соответствии с компанией, в которой он находился; и он замечал, что бессознательно имитирует нюансы речи других людей, но понимал, что в какой-то степени это делает каждый человек. Это часть жизни.

Иногда он задумывался над этой проблемой, удивляясь сращиванию индивидуальности других людей с собственной.

Например, выпивая в каком-нибудь баре, он мог вскочить из-за стола и сделать что-нибудь странное, ухмыляясь при этом Монике.

- Посмотри на меня, - говорил он, - смотри... коралловый остров...

Она недовольно хмурилась.

- Что с тобой на этот раз? Ты добьешься, что нас выгонят.

- Вокруг меня только море. Я - Билл-Прилипала, - заводил он.

- Ты быстро пьянеешь, Карл, в этом твоя беда...

- Наоборот, я могу выпить слишком много - вот в чем дело.

- Эй, во что это ты играешь? - сказал мужчина за стойкой, чей локоть он толкнул.

- Я и сам хотел бы знать, друг. Сам хотел бы знать.

- Пойдем, Карл. - Она встала, потянув его за руку.

- Чем больше живет какой-нибудь человек, тем меньше остается мне, сказал он, когда она протаскивала его сквозь дверь.

Бары и спальни. Спальни и бары. Казалось, большую часть своей жизни он проводил в полумраке. Даже книжный магазин казался тусклым.

Конечно, были исключения - солнечные и светлые зимние дни. Но все его воспоминания о Монике были связаны с сумраком. Какой бы ни был час, они всегда находились в каком-то сумраке после того, как впервые легли в постель.

Однажды Глогер сказал:

- У меня тусклый ум...

- Если ты имеешь в виду грязные мысли, я согласна с тобой,
- ответила она.

Он игнорировал замечание.

- Думаю, это из-за матери. Она никогда не имела слишком твердой связи с реальностью...

- С тобой все в порядке, если ты будешь трезво мыслить. Может быть, небольшое количество нарциссизма...

- Кто-то говорил мне, что я слишком ненавижу себя.

- Ты всего лишь слишком много думаешь о себе...

Он держал свой обрезанный пенис и глядел на него с сентиментальной нежностью.

- Ты - единственный друг, который у меня есть. Единственный мой друг...

Часто пенис оживал в его мыслях, становясь приятным другом, дарителем удовольствия. Немного озорник, он всегда приводил его к неприятностям.

Матовые серебряные кресты, лежащие на поверхности сверкающего моря.

Плюх!

Деревянные кресты падают с неба.

Плюх!

Разрывают поверхность моря, раскалывают серебряные распятия на куски.

- Почему я уничтожаю все, что люблю?

- О, Боже, прекрати эту сентиментальную подростковую чушь, Карл, пожалуйста!

Плюх!

Через все пустыни Аравии прошел я, раб солнца, в поисках моего Бога.

- Время и личность - две большие тайны.

Где я?

Кто я?

Что я?

Где я?

Глава 9

Пять лет в прошлом.

Почти две тысячи лет в будущем.

Лежа в горячей потной постели с Моникой.

Еще одна попытка сделать любовь нормальным путем постепенно перешла в исполнение с небольшими отклонениями акта, который, кажется, удовлетворял ее лучше, чем другие способы.

Их настоящие любовные игры и завершение акта были еще впереди. Как обычно, это должно было произойти словесно. Как обычно, кульминацией являлся гневный спор.

- Полагаю, ты собираешься сказать мне, что снова не удовлетворен, сказала она и забрала зажженную им сигарету.

- Мне хорошо, - сказал он.

Они лежали некоторое время, пока курили. Постепенно, несмотря на уверенность в том, что знает, каков будет результат, он заговорил:

- Смешно, не правда ли? - начал он.

Он ждал ее ответа. Пусть потянет с ним еще немного, если хочет.

- Что? - спросила она наконец.

- Все. Ты проводишь день, пытаешься помочь невротикам с их сексуальными проблемами. И ты проводишь ночи, делая то же, что и они.

- Не в такой степени. Ты знаешь, что вопрос тут в мере.

- Это ты так считаешь.

Он повернул голову и посмотрел на нее, подсвеченную блеском звезд, проходившим через незашторенное окно. Худощавые черты лица, рыжие волосы и спокойный, профессиональный, убеждающий голос психиатра.

Голос ее был мягким, благоразумным, искренним. Только случайно, когда она становилась особенно возбужденной, голос выдавал ее настоящий характер.

Она, думал он, никогда, кажется, не расслабляется, даже во сне. Глаза вечно настороженные, движения - обдуманые. Каждый ее дюйм находится под защитой, почему, вероятно, она и получает так мало удовольствия из-за обычных способов любви.

Он вздохнул.

- Ты просто не можешь расслабиться, не так ли?

- О, заткнись, Карл. Если ты ищешь невротика, то посмотри на себя.

Они широко использовали психологическую терминологию, чувствовали себя счастливее, если могли дать чему-нибудь название.

Глогер откатился от нее, нащупав пепельницу на туалетном столике и одновременно посмотрев на себя в зеркало.

Он увидел желтоватое напряженное лицо мрачного еврейского священника, в голове которого полно образов и неразрешимых навязчивых идей, а в теле противоречивых желаний. Он всегда проигрывал эти споры с Моникой. Она доминировала в их паре, по крайней мере словесно.

Такая перепалка часто казалась ему более извращенной, чем любовные забавы, где, во всяком случае обычно, его роль была мужской. В последние дни, решил он, поведение мое было существенно пассивным, мазохистским, нерешительным. Даже гнев, довольно частый, ни к чему не приводил.

Моника была на десять лет старше его, на десять лет жесточе. Он был убежден, что как личность она обладала большим динамизмом. И все же, у нее было много неудач в работе. Она становилась все циничнее, но еще надеялась на блистательные

успехи с пациентами.

Мы пытаемся сделать слишком много, вот в чем беда, думал он. Священник в исповедальне дает отпущение грехов, психиатр старается излечить, и, в большинстве случаев, оба терпят неудачу. Но, по крайней мере, они пытались, думал Глогер, а затем спрашивал себя, является ли это, в конце концов, добродетелью.

- Я поглядел на себя, - сказал он.

Не заснула ли она?

Он оглянулся.

Ее настороженные глаза были открыты, и она смотрела в окно.

- Я поглядел на себя, - повторил он. - Как делает это Юнг: «Как я могу помочь этим людям, если я сам беглец от действительности и, возможно, еще страдаю невротами?» Вот что Юнг спрашивал у себя.

- Этот старый сенсуалист!.. Этот старый рационалист своего собственного мистицизма. Неудивительно, что из тебя не получился психиатр.

- Я все равно не стал бы хорошим врачом. Это не имеет ничего общего с Юнгом...

- Не вымещай на мне свое разочарование...

- Я хотел помогать людям, но не мог найти пути к ним. Ты сама говорила, что чувствуешь то же самое, что считаешь все бесполезным.

- После тяжелой недели работы я могу так сказать. Дай мне еще сигарету.

Он открыл пачку, сунул две сигареты себе в рот, прикурил их и протянул одну ей.

Почти бессознательно он заметил, что напряженность возрастает.

Спор, как всегда, был бессмысленным. Но не сам спор являлся важным; он просто выражал сущность их связи. Глогер спрашивал себя, является ли и это важным тоже?

- Ты не говоришь мне правду, - теперь не остановиться, ритуал в полном разгаре.

- Я говорю практическую правду. У меня нет желания бросать работу. Уйти. Я не хочу стать неудачницей...

- Неудачницей?! Ты более драматизируешь, чем я.

- Ты слишком серьезный, Карл. Ты пытаешься прыгнуть выше головы.

Он фыркнул:

- Если бы я был тобой, я бы бросил работу, Моника. Ты не больше меня подходишь для нее.

Она пожала плечами, натянув простыню.

- Ты - мелкий негодяй.

- Я не ревную тебя, если ты это думаешь. Ты никогда не поймешь, что я ищу.

Ее смех стал язвительным.

- Современный человек в поисках души, а? Современный человек в поисках костыля! И ты можешь понимать это так, как тебе нравится.

- Ты уничтожаешь миф, который приводит в движение мир.

- Теперь ты скажешь: «А чем мы заменим его?» Ты банальный и глупый, Карл. Ты никогда ни на что не смотришь рационально, даже на себя.

- Ну и что? Ты говорила, что миф не нужен.

- Важна действительность, которая его создает.

- Юнг знал, что миф может, в свою очередь, творить реальность.

- Что доказывает, каким тупым старым дураком он был.

Глогер вытянулся на постели. Делая это, он коснулся ее тела и отодвинулся. Он почесал голову. Моника лежала, еще дымя сигаретой, но теперь улыбалась.

- Ну, давай, - проговорила она, - скажи что-нибудь о Христе.

Глогер промолчал.

Моника протянула ему окурок, и он положил его в пепельницу. Затем посмотрел на часы.

Было два часа ночи.

- Почему мы делаем это? - сказал он.

Она положила руку ему на затылок и пригнула голову к своим грудям.

- Что еще мы можем делать?

Он заплакал.

Великодушная в своей победе, она гладила его голову и тихим голосом успокаивала.

Десять минут спустя он яростно любил ее. Затем, спустя еще десять минут, он снова плакал.

Предательство.

Он предал себя и, таким образом, был предан сам.

- Я хотел помочь людям.

- Ты лучше сначала найди кого-нибудь, кто поможет тебе.

- О, Моника, Моника.

«Мы, протестанты, рано или поздно должны задать себе этот вопрос: понимаем ли мы «подражание Христу» в том смысле, что должны копировать его жизнь и, если можно использовать такое выражение, передразнивать его позор; или, в более глубоком смысле, мы должны прожить нашу жизнь так же праведно, как прожил свою он, во всем значении этого понятия? Нелегкое дело - прожить жизнь, подобную Христу, но невыразимо труднее прожить с в о ю жизнь так же праведно, как прожил Христос. Любой, кто сделает это, будет... недооценен, высмеян, замучан и распят... Невроз - это распад личности.»

Юнг «Современный человек в поисках души».

Одинок.

Я одинок...

- Итак, он умер. Никогда не послал мне даже пенни, пока был жив. Никогда не приезжал повидать тебя. Теперь он оставляет тебе свое дело.

- Мама, это был книжный магазин. Он, вероятно, не очень преуспевал.

- Книжный магазин! Типично для него. Книжный магазин!

- Я продам его, если хочешь, мама, и отдам тебе деньги.

- Премного благодарна, - сказала она с иронией. - Нет, оставь его себе. Может быть тогда ты перестанешь занимать у меня деньги.

- Интересно, почему он не написал раньше? - сказал он.

- Они могли бы пригласить нас на похороны.

- Ты бы поехала?

- Он был моим мужем, не так ли? Твоим отцом.

- Думаю, им потребовалось время, чтобы найти, где мы живем.

- Сколько Глогеров в Лондоне?

- Действительно. Если подумать... странно, что ты никогда не слыхала о нем.

- Я не интересовалась. Его фамилия не значится в телефонной книге. Как называется магазин?

- «Мандала». Он находится на Рассел-стрит.

- Мандала? Это что за название?

- Он торговал книгами о мистике и тому подобном.

- Похоже, что ты пошел в него, не правда ли? Я всегда говорила, что ты пойдешь по его стопам.

Он старался разобраться с книгами отца. Часть магазина была в относительном порядке; книги расставлены по полкам, теснившимся на небольшой площади. Однако со стороны черного входа помещение было завалено качающимися стопками книг, достигавшими потолка, окружавшими неприбранный стол. А в подвале было даже больше книг; среди них змеились узкие проходы, похожие на лабиринт.

Глогер отчаянно пытался привести в порядок хоть часть помещения. Но, в конце концов, он просто оставил книги лежать там, где они были, изменив только кое-что в помещении для покупателей; завез кое-какую мебель для себя на второй этаж. После этого он почувствовал себя устроенным.

Разбирая книжные завалы, он наткнулся на изданные малень-

ким тиражом поэмы, подписанные именем некоего Джона Фрая. Работница магазина сказала, что их написал его отец.

Глогер прочитал несколько. Они оказались не очень хорошими; скорее высокопарными, напичканные символами и фантазиями. Но они раскрывали личность, настолько похожую на него самого, что Глогер не смог дочитать их до конца.

- Он был чудаковатым стариком, - сказал толстый посетитель с красным лицом пьяницы, пришедший купить книги о магических обрядах негров, думаю, немного спятившим. Мне показалось, что он злой. Всегда кричал на людей. Ты знал его?

- Не очень хорошо, - сказал Глогер. - Сваливай отсюда!

Это был первый храбрый поступок, когда-либо совершенный им, насколько он мог припомнить. Когда мужчина, спотыкаясь, выскочил из магазина, Глогер ухмыльнулся.

Первые несколько месяцев владения магазином придали ему ощущения собственного статуса. Но, по мере того, как приходили счета и надо было иметь дело с трудными клиентами, чувство это постепенно теряло привлекательность.

Глогер проснулся и громко сказал:

- Что я здесь забыл? Это совершенно невозможно! Путешествий во времени просто не существует.

Ему не дали убедить себя. Сон Глогера был беспокойным, полным воспоминаний. Он даже не был уверен наверняка, что это воспоминания. Неужели он на самом деле жил когда-то в другом месте, в другом времени?

Он встал, обернул холщовую повязку вокруг бедер и вышел из пещеры.

Утреннее небо было серым, солнце еще не поднялось. Когда Глогер шел к реке, босыми ногами он ощущал холодную землю.

Дойдя до берега, он наклонился, чтобы умыться лицо, и посмотрел на отражение в темной воде. Волосы были длинными, спутанными, борода закрывала всю нижнюю часть лица, глаза бле-

стели безумством. Он ничем не отличался от любого из эссеистов, за исключением, пожалуй, мыслей. А мысли многих эссеистов были достаточно странными, вряд ли безумнее его убеждения, что он является гостем из будущего!

Глогер плеснул холодную воду в лицо и содрогнулся.

Машина времени существует на самом деле. Он видел ее только вчера. Она является доказательством. Тем не менее, подобные рассуждения нужно откинуть, как ненужные, они только утверждают его в собственной слабости.

С другой стороны, как быть с убеждением Иоанна, что Глогер - великий волшебник? Может, не возражать, доказать свою силу пророка. Но будет ли правильно, что Иоанн воспользуется этим, чтобы восстановить пошатнувшуюся веру тех, кто готовит восстание? Не имеет значения! Он здесь, и это происходит с ним, и он ничего не может сделать. Глогеру нужно остаться в живых, чтобы через год стать свидетелем распятия, если оно и в самом деле произойдет.

Но почему он так стремится увидеть это? Почему распятие должно оказаться доказательством божественного происхождения Христа?

Может, это и не доказательство, но распятие все равно необходимо увидеть.

Будет ли Христос похож на Иоанна Крестителя? Или он - более тонкий политик?

Глогер улыбнулся и повернул назад, к деревне, но вдруг почувствовал напряжение. Что-то драматическое должно было произойти сегодня, что решит его будущее.

Он воспротивился идее крестить Крестителя. Это было неправильно. Он не имел права заменять собой великого пророка. Глогер почесал голову в том месте, где она немного болела. Хотелось бы, чтобы все произошло раньше, чем он увидит Иоанна.

«Наше рождение - это только сон и прощение».
Уордсворт.

Пещера казалась уютной - ее наполняли мысли и воспомина-

ния. Глогер вошел в нее с некоторым облегчением.

Через некоторое время он покинет пещеру насовсем. У него не будет путей к отступлению.

- В жизни мы стали играть свои роли достаточно рано, - говорил он группе. - И не обманывайтесь звучным термином «прототип», так как он приложим как к банковскому клерку, живущему в Шеппертоне, так и к великим историческим фигурам. «Прототип» не равнозначно слову «героический». Внутренняя жизнь банковского клерка так же богата, как ваша или моя. Роль, которую, как ему кажется, он исполняет, так же важна для него, как ваша для вас. Хотя его сельский костюм может ввести вас в заблуждение и обмануть тех, с кем он живет и работает...

- Чепуха, чепуха, - сказала Сандра Петерсон, взмахнув крупными руками. - Они не прототипы, а стереотипы...

- Нет, - настаивал Глогер. - Бесчеловечно судить людей подобным образом...

- Не знаю, что вы имеете в виду, но серые люди - силы посредственности, которые стараются тащить других вниз!

Глогер был шокирован почти до слез.

- В самом деле, Сандра, я пытаюсь объяснить...

- Я уверена, что ты совершенно неправильно истолковываешь Юнга, сказала она твердо.

- Я изучил все, что он написал.

- Я думаю, в словах Сандры есть смысл, - сказала миссис Рита Блейн. В конце концов, мы здесь именно для того, чтобы разобраться в подобных вещах, не так ли?

Это могло получиться.

Он рассчитал время правильно.

Когда Моника вошла в квартиру над книжным магазином, газ был открыт. Его запах наполнял комнату. Глогер лежал рядом с плитой. Она открыла окно, потом подошла к нему.

- Господи, Карл, что ты только не придумашь, чтобы при-

влечь внимание к себе.

Он засмеялся.

- Боже, неужели я настолько прозрачен?

- Я ухожу, - сказала она.

Моника не звонила почти полмесяца. Но он знал, что она позвонит. В конце концов, время уходит, а она не такая уж красивая. У нее есть только он.

- Я люблю тебя, Моника, - сказал он, забравшись к ней в постель.

У нее была своя гордость. Она не ответила.

Иоанн стоял у входа в пещеру и звал его:

- Пора, маг!

Глогер неохотно вышел из пещеры и умоляюще взглянул на Крестителя.

- Иоанн, ты уверен?

Креститель повернулся и зашагал к реке.

- Идем. Они ждут.

- Моя жизнь - сплошная путаница, Моника.

- Как у любого другого человека, Карл.